АННА САПОЧКИНА

У каждого идеального фасада есть тёмная сторона.

Но чей расчёт окажется ловушкой?

СИНДРОМ ТАКОЦУБО

18+

Анна Сапочкина

Синдром Такоцубо

«Автор»
2026

Сапочкина А.

Синдром Такоцубо / А. Сапочкина — «Автор», 2026

Брак Игоря и Елены кажется безупречным. Он — педантичный бухгалтер, привыкший просчитывать семейную реальность до секунды и контролировать каждую мелочь. Она — любящая мать и преданная жена. Но в один из сырых октябрьских дней этот фасад рушится: Елена исчезает, оставив странное сообщение.Вскоре в соседнем городе пропадает ещё одна женщина.В кабинете следователя произойдёт настоящая катастрофа, которая вскроет чужие тайны, запустит жестокий учёт душ и сплетёт параллельные судьбы в один тугой, смертельный узел. Кто на самом деле кукловод в этой психологической дуэли?Жёсткий, драматический, остросюжетный психологический триллер в неонуарной атмосфере о том, как опасно заглядывать за закрытые двери чужих спален. Финал заставит ваше сердце остановиться. Хватит ли вам воздуха дочитать до последнего вздоха? Задержите дыхание... Игра началась!

© Сапочкина А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Часть первая. Елена 8
Глава 1. Елена. Мокрый асфальт. 8
Глава 2. Игорь. Яблоки на полу. 13
Глава 3. Елена. Безупречный брак. 19
Глава 4. Игорь. Восемнадцать безнадёжных циклов. 23
Глава 5. Игорь. Крошечный комок беспокойства. 31
Часть вторая. Марина 36
Глава 6. Марина. Капризный телефон. 36
Глава 7. Антон. Технический этаж. 40
Глава 8. Марина. Прыжок с парашютом. 43
Глава 9. Антон. Разрыв. 46
Глава 10. Марина. Возвращения. 51
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Анна Сапочкина
Синдром Такоцубо

Две параллельные линии никогда не пересекаются в геометрии. Но в человеческой судьбе они всегда сталкиваются там, где иллюзии разлетаются вдребезги.

Не бойся разбить зеркало, которое слишком долго отражало чужую ложь. Бойся осколков, которые останутся внутри твоей собственной души.

Пролог

14 октября

Октябрьский полдень выдался на удивление ярким и солнечным, разноцветные листья всё ещё кружились в красивом танце, медленно опускаясь под ноги. Провинциальный город, затерявшийся на карте огромной страны готов принять на себя удар от промозглых дождей, срывающихся потоком с тяжелого низкого осеннего неба. Но пока он лишь игриво сверкает в лучах солнца. Куда-то неспешно едут машины. Ленивые прохожие медленно бредут по своим делам. Дачники несут последний урожай со своих участков. Дети весело носятся по опавшей листве. Кто-то громко кричит. Подростки обсуждают кумиров, шутят и смеются. Мир продолжает своё движение.

Мужчина влетает в предбанник обшарпанного районного отдела полиции вместе с тёплым осенним воздухом. Рассудок растекается предательски, уступая место чувствам, бурлящим внутри воспалённой души. Перед глазами стоит серая пелена, сквозь которую мир кажется чужим и вывернутым наизнанку. Он с размаху натыкается на решетчатую железную дверь, отделяющую сырой тамбур от зоны дежурной части. Бьёт по ней ладонью — раздается звонкий стук.

За поцарапанным бронированным стеклом, в удушливом люминесцентном свете мигающей под потолком лампы сидит дежурный. Вокруг него высятся стопки заявлений — хроника местных драк и бытовых несчастий, к которым у него давно выработался абсолютный иммунитет. Он неторопливо поднимает глаза от папок. Его взгляд — глубокий, отфильтрованный тысячами чужих пьяных истерик, нападений, краж — медленно, как сканер, проносится по посетителю, оценивает внешний вид, дрожащую челюсть, безумный блеск зрачков.

— Вы куда? — голос дежурного звучит через старое переговорное устройство трескуче и мертво.

— Мне нужен следователь! Живо! Заявление... мне нужно подать заявление! — мужчина почти выплевывает эти слова в динамик, оставляя на стекле мутное пятно от дыхания.

— Что у вас случилось? — тон полицейского остается ровным, ледяным. Так здесь говорят с душевнобольными или местными алкашами.

— Моя жена. Она пропала. Её нет.

Дежурный устало вздыхает, копеечная шариковая ручка в его пальцах даже не шелохнется:

— Мужчина, успокойтесь. Возьмите себя в руки. Когда она пропала?

— Я не знаю... — мужчина хватается за голову, пальцы впиваются в растрепанные волосы. — В понедельник. Или во вторник... Время... оно куда-то делось, понимаете? Я запутался.

— Так вы уж определитесь, — в голосе дежурного проскальзывает раздражение. — Понедельник или вторник? Это разные дни.

— Вот! Смотрите! — он дрожащими пальцами достаёт смартфон из кармана куртки. С силой прижимает дисплей к бронестеклу прямо перед лицом полицейского. — Читайте! Ну же!

— Что именно я должен там увидеть?

— Текст! Она пишет, что уходит от меня. А потом присылает аудио. Но... — его голос срывается на хриплый полушепот, — это не её голос. Вы понимаете или нет? Формально слова её, но интонации, дыхание... Это не она! Она не могла вот так сбежать. От меня, от сына! С ней что-то случилось!

Дежурный даже не смотрит на экран. Он откидывается на спинку старого стула, который жалобно скрипит под его массой. В этой глуши у каждого сочувствия есть жёсткий лимит.

— Мужчина, остыньте. Классическая история. Поверьте моему опыту: женщины часто встречают кого-нибудь, теряют рассудок и уезжают. А чтобы не слушать сцен, пишут сообщения. Идите домой. Если завтра не будет известий — придете повторно и напишете.

— Вы с ума сошли?! — мужчина прислоняется лицом к холодному стеклу, его зрачки расширяются от ужаса. — Вдруг ей нужна помощь? Вдруг какой-нибудь маньяк напал на неё прямо сейчас на пустыре за заводом, а вы тут теряете время?! Пожалуйста, примите заявление сейчас. Я кожей чувствую... я чувствую беду. Я её муж! Она не могла сбежать! Не могла!

Дежурный замирает. Он ещё раз пристально сканирует мужчину сквозь стекло — горячие обеспокоенные глаза, мертвенная бледность, вид абсолютно опустошённый. Такие не уходят просто так.

— Ладно, — цедит полицейский, нехотя выдвигая ящик облупившегося стола.

С тихим щелчком открывается узкое окошко для документов. На пластиковый подоконник ложится обычный бланк А4.

— Вот вам бланк, пишите. Всё по форме. Как заполнять ищите на стенде.

— Хорошо. Спасибо... Спасибо, — мужчина хватает бумагу, будто это его единственный спасательный круг.

Он падает на колченогий стул в углу, едва попадая ручкой в строчки. Пальцы сводит судорогой от холода, проникающего из коридора.

В графе имя пропавшей он, сильно нажимая на стержень, выводит: *«Морозова Елена Евгеньевна»*. А далее по форме заполняет всё заявление, не подозревая, что эти чернила только что запустили обратный отсчет его собственной жизни.

Часть первая. Елена

Глава 1. Елена. Мокрый асфальт.

Сентябрь.

Осень в их городе всегда наступала как-то незаметно. Не было одного определённого холодного дня, после которого люди вдруг доставали из шкафов тёплые пальто и начинали жаловаться на погоду. Просто однажды утром Елена обнаруживала, что стекло на кухонном окне за ночь покрылось мелкими каплями, а привычный двор, который ещё неделю назад казался зелёным и почти летним, стал серым, мокрым и каким-то непривычно далёким. Листья лежали на асфальте плотным жёлтым ковром, машины с утра были покрыты тонкой пеленой дождя, и каждый звук — хлопнувшая подъездная дверь, проехавший по улице автобус, чей-то торопливый разговор под окнами — словно тонул в сыром воздухе.

В то утро дождь шёл с самого рассвета, и город просыпался медленно, словно ему самому не хотелось начинать новый день. За окном было темно, хотя часы показывали половину седьмого; низкие облака почти касались крыш, и редкие огни в соседних домах казались особенно яркими в этой серой, влажной мгле. Вода стекала по стеклу длинными прозрачными дорожками, и всё, что находилось за окном, — двор, детская площадка, старая автобусная остановка, несколько припаркованных машин — расплывалось и теряло очертания.

Елена проснулась раньше будильника. Такое случалось почти всегда перед сменами, особенно если впереди было двое суток работы. Организм, привыкший к странному расписанию, давно перестал понимать, когда ему положено спать, а когда просыпаться, и потому иногда будил её сам, без всякой причины, оставляя несколько минут тишины, в которых она могла просто лежать и слушать дом.

В такие дни Елена особенно не любила просыпаться.

Не потому, что не любила свою работу или жалела о том, что выбрала медицину. Просто после одиннадцати лет брака и пяти с половиной лет материнства её жизнь давно научилась начинаться раньше неё самой. Даже если хотелось ещё хотя бы пять минут полежать с закрытыми глазами, в соседней комнате уже мог проснуться Максим, а значит, начинался день: нужно было найти его второй носок; убедиться, что вчерашняя футболка сегодня совершенно не подходит для детского сада; проверить, не закончилось ли молоко; собрать собственную сумку. Жизнь не спрашивала, выспалась она или нет. Она просто двигалась дальше.

Рядом спал Игорь. Она повернула голову и посмотрела на него.

За много лет она научилась узнавать его настроение ещё до того, как он открывал глаза. Сейчас он спал спокойно, чуть нахмурившись, как всегда, когда накануне слишком долго работал. Одна рука лежала поверх одеяла, пальцы были расслаблены, дыхание ровное. Почти как в начале отношений, когда они съехались. Только тогда у него не было этой складки между бровями и не было привычки просыпаться за несколько минут до будильника.

Иногда Елена думала, что одиннадцать лет — это слишком большой срок, чтобы помнить начало отношений во всех подробностях. Но она помнила.

И всё равно иногда, глядя на него спящего, она испытывала то же тихое удивление: как получилось, что именно этот человек стал настолько родным.

Елена осторожно выбралась из постели. Пол был холодным, она нащупала ногой тапки и обулась, затем на секунду замерла, прежде чем выйти из спальни. В квартире было тихо. Только из детской доносилось ровное сопение Максима. Она старалась двигаться бесшумно, подобно лани, чтобы не разбудить мужа. До будильника оставалось ещё пятнадцать минут.

Их квартира никогда не была похожа на картинки из журналов. В ней не было журнальной безупречности — дорогой мебели, вылизанных поверхностей и вещей, которые никогда не сдвигают с места. Здесь всегда что-нибудь лежало не на своём месте, особенно после появления ребёнка. Постепенно рабочий стол Елены покрылся детскими пелёнками и распашонками. На полу появились игрушки и погремушки, в углу стоял детский горшок. Там, где когда-то было кресло-качалка, теперь стояла кроватка. Их квартира постепенно перестала быть жилищем для двоих и превратилась в дом, где рос маленький ребёнок. Елена освободила в шкафу полки для детской одежды. В коридоре появился маленький крючок для его курточки, а среди их огромной обуви теперь стояли крошечные сапожки. Сначала всё это умиляло и добавляло уюта, потом начинало раздражать, а теперь снова дарило странное ощущение дома, тепла и особой атмосферы.

Лена помнила, как впервые купила маленький костюмчик и чепчик, как постирала их и повесила сушиться среди своих вещей и огромных штанов Игоря. Она помнила, как нелепо смотрелся этот крошечный костюмчик и как нежно, сладко становилось у неё на душе. Помнила, как Игорь семь часов просидел в выходной перед комодом, собирая его по инструкции, как скрупулёзно проверял каждую деталь и ругался, обнаружив, что производители не доложили гайки и какие-то болты. А когда наконец закончил сборку, несколько минут гордо любовался своей работой, а она, с огромным животом, крепко обняла его и поцеловала в заросшую щетиной щёку.

На подоконнике всё ещё стояли горшки с цветами, но полу засохшие, потому что времени на полив практически не оставалось. На холодильнике под магнитами держались детские рисунки, квитанция за коммунальные услуги и список продуктов, написанный её рукой ещё несколько дней назад. На спинке одного из стульев висела кофта сына, хотя Игорь вечером уже дважды просил убрать её в комнату.

Игорь говорил, что беспорядок его раздражает.

Он никогда ничего не выбрасывал и почти всегда сам убирал за ними. Ему нужно было всё держать на своих местах. Даже одежду он развешивал в шкаф, раскладывал бельё, футболки, а носки хранились в отдельном ящике. Лена же могла кинуть свою футболку на стул, джинс оставить в коридоре на обувной полке. Она разбрасывала всё, а он тщательно собирал и отправлял на законные специально отведённые места. Когда-то очень давно она тоже была такой же. Но потом появился ребенок, маленький комочек нежности. Комок, который захватил всю её, беспомощный, не способный ни на что без её материнских рук.

Елена знала эту его особенность и иногда думала, что именно из таких мелочей и складывается семейная жизнь: из вещей, которые раздражают, но без которых вдруг становится непривычно пусто.

Она поставила чайник и достала из шкафа свою чашку. Белую, с тонкой синей полоской по краю. Когда-то они купили её случайно на распродаже вместе с ещё несколькими кружками, но остальные давно разбились, а эта каким-то чудом пережила переезд, рождение Максима и многолетнюю жизнь в их доме. На ручке появилась маленькая трещина, едва заметная, но порой она ранилась о неё или напротив могла завороженно гладить пальцем, пока грела руки.

Игорь даже как-то купил ей новую кружку с сердечками и её собственным именем, но она поблагодарила и убрала чашку в шкаф. Лене нравилась её личная чашка, не такая идеальная, но та, которая смогла пережить вместе с ней непростые времена и уцелеть. Как и она сама.

За эти годы жизнь не раз била их семью под дых, выворачивала, разбивала вдребезги. Но каждый раз они находили в себе силы собрать всё и заклеить трещины. Эта чашка напоминала ей об этом.

Лена включила чайник, затем вытащила молоко и хлопья. Себе достала творог. Игорю начала готовить омлет. Утро шло на автомате. Как и вчерашнее, как и каждое первое и второе утро в её жизни. Третье и четвертое она проведёт не здесь.

Это была их самая обычная кухня — не слишком большая, с окном во двор и узким подоконником, на котором Елена несколько лет пыталась вырастить зелень. Что-то у неё получалось, что-то нет. Базилик однажды погиб за три дня, мята разрослась так, что пришлось выбросить половину, а маленький лимонный куст почему-то пережил всё и теперь стоял в старом керамическом горшке, который Максим когда-то раскрасил пальчиковыми красками.

Елена провела пальцем по одной из жёлтых клякс и улыбнулась.

В их доме почти всё имело какую-нибудь историю.

На холодильнике висел рисунок Максима, сделанный в детском саду. На нём были изображены море, солнце и три человека, державшиеся за руки. Игорь на рисунке был выше всех, хотя в жизни они с Еленой были почти одного роста. Максим объяснил, что папа должен быть самым высоким, потому что папа сильный.

Рядом магнитом была прикреплена записка с её почерком: «Купить хлеб, творог, яблоки».

Елена посмотрела на часы. Почти семь. Нужно будить Максима.

Она задержала взгляд на детском рисунке на холодильнике чуть дольше, чем требовалось. Три фигурки держались за руки, и Максим, как всегда, нарисовал их так, будто между людьми не бывает расстояния. Елена вдруг подумала, что именно этого расстояния в её собственной жизни становилось всё больше, хотя внешне ничего не менялось.

Вдруг донеслись шаги мужа. Она могла узнать их из тысячи, с завязанными глазами. На ощупь узнать его небритое лицо, пальцы рук, губы. Она знала его до мельчайших привычек. А он её. По крайней мере, так им обоим казалось. Игорь подошёл сзади. Прижался теплым телом и поцеловал в макушку.

— Доброе утро, родная! Ты опять сбежала без меня, — сонно сказал Игорь.

Она обернулась.

— Да, уже не спалось. Нужно ещё завтрак приготовить. Макса собрать в садик.

— Для меня это уже считается побегом.

— Не переживай, от тебя далеко не убежишь. Ты быстрее и сильнее меня. — Она весело улыбнулась и поцеловала его в небритую щеку. — Я тебя выбрала ведь не зря среди тысячи других мужчин. Ты лучший экземпляр.

— Ах, так! — Игорь ответил своей обезоруживающей улыбкой и накрыл её губы томным поцелуем. – Люблю тебя!

Затем он прижал её немного сильнее, чем следовало, и они почувствовали волну желания, такое случалось редко в последнее время. Без расписания. Просто, когда вдруг по-настоящему хочется отдаться друг другу.

— Каша… сейчас убежит… и потом Максим может встать в любую минуту…

— Лена… не порть момент…

Игорь попытался спасти ситуацию, но запал уже догорел. Он без лишних слов вернулся на своё место. Она выключила плиту, положила ему омлет и пошла будить сына. Заниматься утром любовью перед дежурством ей не хотелось. Впереди были сложные два дня, которые могли принести любой нежелательный сюрприз. Часть её уже была там, а другая всё ещё пыталась существовать здесь среди выцветших голубых обоев, детских рисунков, записок на холодильнике и запаха семейного тепла и уюта.

Лена зашла в спальню. Наклонилась и потрепала мягко сына по русым волосам. Максиму было пять с половиной, просыпаясь он чувствовал шквал энергии и готов был с самого утра бегать, играть и радоваться новому дню. Он нехотя открыл глаза, потянулся, сонно нащупал своего плюшевого тигрёнка, с которым не расставался и распахнул глаза.

— Мама!

— Доброе утро, родной!

Лена нежно улыбнулась, и вся усталость и все проблемы остались позади, за периметром этой комнаты, на другой планете. Здесь рядом с сыном она была счастливой матерью.

— Что тебе снилось?

— Мы летали на огурцах с Тигрулей, потом кидались мандаринами в страусят, а ещё я прыгал на гигантском батуте.

— Здорово, Максюшка! Жаль мне не снятся такие чудесные сны!

— Не переживай, мамочка, я прилечу за тобой следующей ночью и покатаю на огурце.

— Спасибо, милый. Ну все вставай. В туалет. Собираемся. Позавтракаешь в садике?

— Да…

Елена ушла собираться в клинику. Максимка выбрался из-под одеяла, захватил Тигрушу и пошёл в туалет, затем в ванную комнату. Вскоре он появился на пороге комнаты. Подбежал к отцу и крепко его обнял, забрался на коленки и прижался к родной груди, где мерно стучало надежное математическое сердце.

Максим ещё не умел объяснять сложные вещи словами, но прекрасно чувствовал интонации взрослых. Он различал мамину усталость, папино раздражение и те редкие минуты, когда оба вдруг становились мягкими и смеялись одновременно. Для него семья пока была не понятием и не обещанием, а звуками знакомых голосов за стеной.

Через двадцать минут всё семейство спускалось к машине. Игорь нёс рюкзак Максима, Елена поправляла сыну капюшон, а сам малыш пытался одновременно прыгать по лужам и не промочить обувь. Возле подъезда пахло мокрой листвой и бензином. Ветер гнал по двору бумажный пакет, который несколько раз застревал возле бордюра, а потом снова срывался с места.

Игорь открыл машину. Усадил сына в кресло. Затем положил сумку жены. Помог ей сесть, плавно закрыл дверь. Он всегда был методичен и расчётлив. В каждом действии была строго заданная уравнением определённость.

Максим забрался на заднее сиденье и сразу начал рассказывать, что сегодня в садике у них будет праздник осени и очень жаль, что родителям запретили приходить. Но мама ведь всё равно не пришла бы…

Елена слушала его вполуха, отвечая там, где нужно, но мысли её уже постепенно переходили к предстоящим двум суткам. Она мысленно перебирала вещи в сумке, вспоминала, всё ли взяла, и одновременно пыталась не думать о том, что домой вернётся только через два дня.

Она посмотрела на сына в зеркало. За два дня всякое может произойти. Он может выучить новый стих, нарисовать новую картинку, заболеть, разбить нос и много чего другого. Но она старалась не думать об этом. За три года Елена научилась не думать о той части жизни, что протекала без неё. Поначалу было трудно. А теперь она научилась разграничивать эти периоды — работу и семью.

Как-то она посчитала и ужаснулась: полгода она проводила без любимого сына, без мужа, где-то в другом месте. Там, где никто так не заботился о ней. А из трёх лет складывалось целых полтора года порознь. Как много она упустила за это время, как много потеряла. Но это был её осознанный, взрослый выбор. Ей нравилась работа. Поначалу было сложно начинать после декрета всё сначала. Не хвататься за телефон, не рваться позвонить Игорю, чтобы услышать голос сына. Но какая-то её часть порой выдыхала, оставшись без семьи. Можно было переключиться, побыть немного собой. После затяжного декрета ей это было необходимо.

Лена перевела взгляд через зеркало на сына. Он сидел, прижавшись лбом к стеклу, и наблюдал за дождём. Маленькими пальчиками играл с каплями дождя, что-то чертил, разговаривал сам с собой. Порой подносил Тигрушу и весело смеялся. Она улыбнулась горько, болезненно. Внутри что-то треснуло.

Иногда она задумывалась: может быть перейти на дневную работу. Хватит дежурств. Но после семейного отпуска это желание отпадало, и она снова принимала свой выбор.

— Максим.

— Что?

— Не прислоняйся к окну.

— Почему?

— Холодное.

Он послушно отстранился. Игорь посмотрел на Елену и улыбнулся.

Она поймала его взгляд. В такие моменты ей особенно ясно становилось, насколько привычной стала их жизнь. Не скучной. Именно привычной. У них была жизнь, которую невозможно было назвать особенной. И именно поэтому она казалась такой настоящей. У детского сада Игорь остановил машину. Лена поспешно выскочила, открыла зонт. Взяла крепко Максима за руку. Они торопливо и озорно побежали к крыльцу.

Лена проводила сына до группы, раздела, поцеловала.

— Мама!

Елена наклонилась к нему.

— Что?

— Ты точно приедешь?

— Точно.

— Обещаешь?

Она посмотрела на его серьёзное лицо.

— Обещаю.

Максим обнял её за шею и быстро убежал. Елена ещё несколько секунд смотрела ему вслед. Затем она машинально вышла в холодное сентябрьское утро и села в машину, предварительно отряхнув обувь и зонт.

К клинике они подъехали к восьми. Дождь к этому времени усилился, и крупные капли барабанили по крыше машины. Елена посмотрела на часы, затем на Игоря.

— Мне пора.

— Позвони вечером.

— Вряд ли. Ты же знаешь, что мне некогда… Я ужасно устаю… И отрубаюсь в ординаторской сидя.

— Максим будет ждать.

— Знаю.

Она уже открыла дверь, когда Игорь сказал:

— Лен.

Она обернулась. Он смотрел на неё так, как смотрел всегда, когда не хотел отпускать.

— Что?

— Я люблю тебя.

Елена улыбнулась.

— А я тебя выбрала.

Она вышла из машины, поправила сумку на плече и пошла к зданию, прячась от дождя под капюшоном. У входа она остановилась и обернулась. Игорь всё ещё смотрел на неё. Она подняла руку. Он ответил. Машинально. Но в этом жесте было столько боли, тоски, любви. Через несколько секунд стеклянные двери закрылись за её спиной.

Игорь дождался, пока она исчезнет из виду, и только потом включил передачу. Он горько вздохнул. Его серо-зелёные глаза наполнились грустью и тоской, между бровями появилась складка. Уголки рта опустились. Он по правилам дорожного движения аккуратно добрался до конторы.

Вечером он приготовит ужин, заберёт Максима, поможет ему сделать аппликацию, уложит спать. Снова два дня наедине с сыном. Два дня без неё. Два дня ожидания и борьбы с собой.

Глава 2. Игорь. Яблоки на полу.

Двенадцать лет назад

Март на исходе всегда выглядел убого: город задыхался под панцирем из серого, просоленного реагентами льда, остервенело мечтая о тепле. Игорь терпеть не мог это межсезонье, мечтая каждый раз просто пережить это неудобное время.

В тот вечер он заскочил в магазин у работы — привычный ритуал после унылого дня среди дебетов и кредитов. Она стояла на кассе прямо перед ним. Хрупкая, какая-то прозрачная в безликом свете люминесцентных ламп. Расплатилась, отошла к упаковочному столу, и в этот момент дешёвый пластик пакета с треском сдался.

Крупные, глянцево-красные яблоки с глухим стуком бросились врассыпную по грязному кафелю.

Она замерла. В её фигуре, в том, как беспомощно опустились плечи, читалась не просто досада — предельное, пограничное истощение. Так выглядят люди, у которых отобрали последнюю каплю сил. Игорь, ведомый инстинктом человека, привыкшего немедленно исправлять всё, что считал проблемой, шагнул вперёд, перехватывая катящийся к его ботинку фрукт.

— Вам помочь?

Она подняла на него глаза — в них металась паническая растерянность.

— Боюсь, это недоразумение уже не исправить, — выдохнула она, неловко пытаясь удержать в горсти оставшиеся продукты. — И как мне только шприцы доверяют? С такой-то невозможностью удержать простые продукты.

А на полу тем временем растекался треснувший стаканчик йогурта.

Игорь непроизвольно вскинул бровь, фиксируя деталь.

— Вы ставите уколы?

— Я работаю врачом. Здесь, в клинике за углом, — она кивнула в сторону панорамного окна, за которым сгущались сизые сумерки. А взглядом скользнула по густой, белой луже у своих туфель.

— О, тогда всё встаёт на свои места, — улыбнулся Игорь, протягивая ей уцелевший плод. — Ладно, давайте я вам помогу. Донесём это до моей машины, перегрузим в багажник, и я отдам вам пакет.

Она смерила его долгим, изучающим взглядом, в котором профессиональная настороженность боролась с банальной усталостью.

— Спасибо, конечно, молодой человек. Заманчиво… но, признаться, немного боязно. Мало ли какие у вас скрытые мотивы.

— Бросьте, — Игорь мягко рассмеялся, собирая яблоки с пола. — Я самый пресный и безопасный человек на свете. Обыкновенный бухгалтер. У меня даже фантазия ограничена налоговым кодексом.

Она вдруг тонко, искренне усмехнулась, и этот контраст с её недавней апатией заставил его сердце пропустить удар.

— Ну да, конечно… Вы серьёзно думаете, что настоящие маньяки начинают разговор с фразы: «Привет, я Коля из коммерческого банка, в свободное время похищаю белокурых хромых девушек»?

Игорь замер на секунду, удивлённый её странной манерой общаться и отменному чувству юмора.

— А ты забавная, — легко перешёл он на «ты».

— Это комплимент или предупреждение? — она чуть наклонила голову, вглядываясь в его лицо.

— Исключительно первое. Ну что пошли. Здесь мы уже ничего не исправим. Или хочешь куплю тебе новый йогурт?

Игорь спросил мягко, без напора. Она лишь поискала глазами уборщицу или свободного администратора, потом выдавила из себя:

— Спасибо, не надо! Кажется, там остался второй. Здесь мне, действительно, ничем не поможешь. Пошли.

И она, не дожидаясь ответа, направилась к выходу. Игорь поплёлся за ней, сам удивляясь своей смелости. Обычно он не знакомился так легко с девушками. Вначале долго наблюдал, затем придумывал чёткий план, потом только действовал. И никогда вот так неожиданно! Но эта странная девушка заставила его быть спонтанным. Она была его противоположностью.

Они вышли на парковку, где мартовский сырой ветер сразу же швырнул им в лица пригоршню колкой ледяной крошки. Город тонул в сумерках, фары проезжающих машин размазывались по мокрому асфальту бледно-жёлтыми кляксами.

Елена зябко повела плечами, оглянулась и слегка улыбнулась. Игорь шёл следом, бережно прижимая к груди охапку её продуктов, словно это была не случайная провизия, а доверенный ему хрупкий груз. На его запястье при этом болтался собственный пакет, ритмично ударяясь о ноги.

Он остановился возле своей старенькой «Ауди», аккуратно пристроил пакеты на багажник. Вытащил ключи, распахнул салон. Переложив свои покупки на заднее сиденье, Игорь освободил тару и бережно перегрузил туда рассыпавшиеся яблоки Елены.

— Игорь, — он вдруг спохватился, сообразив, что в этой суматохе совсем забыл представиться, и их знакомство вышло скомканным.

— Елена. Спасибо вам!

Он посмотрел на неё, и губы сами собой растянулись в глупую, обезоруживающую улыбку.

— Тебя подбросить?

— Ты, значит, всё-таки намекаешь на то, что можешь оказаться маньяком?! — она лукаво прищурилась.

Игорь на секунду завис, не понимая — серьёзно она или шутит. Но девушка тут же смягчилась:

— Да ладно, расслабься, это юмор. На моей работе без него нельзя, иначе кукуха уедет.

— Понятно, — выдохнул он с облегчением. — А я думал, у бухгалтеров очень специфический, не всем понятный юмор.

— Ну, у нас в медицине он тоже со своими странностями.

— Так что насчёт подвезти? Я не маньяк. Просто хочу помочь красивой девушке.

— Красивой?! Ох, здесь точно попахивает маниакальным душком…

Елена весело рассмеялась, дружески хлопнула его по плечу и юркнула на переднее пассажирское сиденье. Дверь за собой прикрыла на удивление тихо, почти бесшумно.

Игорь ухмыльнулся, устраиваясь за рулём. Таких непосредственных и лёгких девушек он ещё точно не встречал. Спросил её адрес, покрутил ручку радио, настраивая тихую волну, и они плавно влились в вечерний поток. В салоне тут же повисла та самая густая, неловкая пауза, которая всегда случается между едва знакомыми людьми в замкнутом пространстве.

Елена первая нарушила молчание. Чтобы сбить напряжение, она спросила, любит ли он футбол, а затем поинтересовалась его музыкальными вкусами. Игорь бодро подхватил темы, с облегчением включаясь в разговор. За этим неторопливым, легким разговором время пролетело незаметно, и старенькая «Ауди» затормозила у её панельной многоэтажки.

Елена на мгновение задержалась в салоне. Накатила внезапная дилемма: пригласить его на чашку чая или всё-таки не стоит так откровенно торопить события? Игорь, поддавшись лёгкой стеснительности, тоже не проявил инициативу и промолчал, боясь показаться навязчи-

вым. В итоге Елена просто поблагодарила его и вышла, так и не оставив своих контактов. А он тронулся с места, только спустя два квартала сообразив, что уехал, даже не спросив номера телефона. Внутренне он знатно отругал себя за эту подростковую нерешительность.

Прошло три дня. Елена возвращалась со смены, уставшая, погружённая в свои мысли, но стоило ей подойти к дому, как сердце замерло, по телу прокатилась легкая дрожь. Возле её подъезда стояла знакомая фигура.

Это был Игорь. Он взволнованно мерил шагами потрескавшийся асфальт дорожки, то и дело поглядывая на окна, а в руках держал букет тюльпанов.

Она снова улыбнулась. Игорь тогда ещё не знал, что спустя годы научится безошибочно различать десятки едва уловимых оттенков этой улыбки. Будет знать ту, за которой она прятала неподъёмную усталость после суточных дежурств; ту, которой вежливо сворачивала неприятный разговор; и ту редкую, почти детскую, вспыхивающую на её лице только тогда, когда она была по-настоящему счастлива.

В Елене его больше всего подкупило спонтанность и уверенность в себе. Она никогда не пыталась казаться кем-то другим ради чужого одобрения. Не разыгрывала на публику фальшивое веселье, не кокетничала искусственной лёгкостью и не напускала на себя загадочности. Если разговор нагонял скуку, она говорила об этом прямо, без жеманства. Если её мнение шло вразрез с его собственным — уверенно вступала в спор. А когда обижалась, просто молча замыкалась в своей раковине, принципиально не опускаясь до дешёвых театральных сцен.

— Привет! Давно ждёшь? — Елена спросила это на удивление буднично, будто они расстались только вчера, а не три дня назад после странного знакомства.

— Привет. Нет, только подошёл, — бессовестно соврал он, пряча за спиной замерзшие, покрасневшие от мартовского ветра пальцы.

— Отлично. Ну что, пойдём ужинать? Правда, у меня там мировой хаос и в холодильнике мышь повесилась от тоски. Но яичницу сделаю.

— Может, тогда лучше в кафе? — предложил Игорь, спасая её от кулинарных подвигов после смены.

— Можно и в кафе. Только сумки занесу.

Она повернула ключ в замке, приоткрыла дверь подъезда и обернулась, уставившись на него своими невероятными, пронзительно-голубыми глазами.

— Ты идёшь?

— Знаешь, теперь мне начинает казаться, что маньяк здесь всё-таки ты, — Игорь наконец позволил себе расслабиться и перехватил инициативу, вернув её же шутку.

Елена весело рассмеялась, что-то одобрительно бормоча под нос:

— А ты быстро перенимаешь правила игры. Молодец.

Они шагнули в тесный, пропахший дешёвыми духами и табаком лифт. Пространства оказалось настолько мало, что они едва не соприкоснулись куртками. Именно здесь, в тусклом, моргающем свете потолочного плафона, Игорь впервые смог рассмотреть её по-настоящему близко.

Из-под вязаной шапки выбились непослушные пряди русых прямых волос. На переносице россыпью горели мелкие задорные веснушки. Тонкие губы были тронуты нежно-розовой, почти незаметной помадой, а пушистые ресницы то и дело взмахивали, выдавая её внутреннее смущение. И эта открытая улыбка… Игоря прошило внезапным, острым импульсом. Ему отчаянно, до покалывания в подреберье, захотелось поцеловать её прямо тут, в этой фанерной коробке. Перевесить руку через букет, притянуть к себе и коснуться её губ. Но он лишь с трудом сглотнул подступивший ком и упрямо отвёл взгляд в сторону, разглядывая поцарапанную стену.

— Проходи, — Елена распахнула дверь в маленькую, типовую однокомнатную квартиру.

Вопреки её словам про хаос, здесь было уютно. Пахло сухими травами и кондиционером для белья. Игорь так и замер на пороге, согревая в руках букет тюльпанов. Девушка стремительно разулась, скинула сумку на кухне, привычным медицинским движением вымыла руки и бросила пару пачек йогурта в холодильник. Взяла букет, поставила его в вазу. Быстро поблагодарила. И спустя пару минут уже снова натягивала сапоги.

Они вышли на улицу. Небольшое, почти пустое кафе со скромными пластиковыми папочками меню нашлось в паре кварталов от её дома. Заказав ужин, Игорь наконец смог перевести дыхание, но взгляда от неё так и не отвёл. В тёплом помещении. Елена сняла массивный пуховик, и под ним обнаружилась удивительно хрупкая, почти полупрозрачная фигура. Тонкие ключицы, изящные плечи. В ней не было вызывающих изгибов, всё казалось точёным, без единого изъяна. Она выглядела совсем как девчонка. Игорю вдруг стало безумно интересно: сколько же ей на самом деле? Двадцать? Тридцать?

За ужином неловкость окончательно растаяла в тепле полупустого зала. Они говорили взахлёб, на удивление легко наводя мосты между её сложной, пахнущей стерильностью медициной и его сухим, расчерченным на таблицы бухучётом. Игорь увлечённо объяснял, что за бездушными колонками цифр на самом деле скрывается строгая, почти поэтическая гармония, а Елена в ответ со смехом делилась байками из студенческой жизни в мединституте и тонкостями дежурств, от которых у обывателей обычно волосы вставали дыбом. Время потеряло плотность, превратившись в сплошной, уютный поток.

Когда они наконец вышли на улицу, поздний мартовский вечер уже укрыл кварталы густым чернильным небом. Игорь повёл её провожать. Они шли медленно, ловя плечами случайные касания, и этот безмолвный физический контакт будоражил сильнее любых слов.

Возле её подъезда Елена вдруг остановилась. Полумрак двора скрадывал очертания, но её глаза, огромные и блестящие в свете одинокого фонаря, казались неестественно глубокими. Она замерла на пороге и очень серьёзно, словно пытаясь заглянуть ему под самую душу, всмотрелась в его лицо. Будто искала там ответ на какой-то свой, внутренний и бесконечно важный вопрос.

А затем она сделала короткий шаг вперёд, сокращая расстояние между ними до минимума. Её пальцы — тонкие, прохладные пальцы врача — невесомо коснулись его щеки.

Игорь замер, боясь сделать даже мимолётный вдох. Весь мир вокруг них — грязный мартовский снег, далёкий гул проспекта, шорох голых ветвей — мгновенно перестал существовать. Осталось только это прикосновение. В повисшей, пахнущей шагом в пропасть, паузе концентрировалось нечто первобытное и колоссальное. Казалось, внутри каждого из них, на самом дне сознания, рождался первородный, необратимый взрыв — тот самый предвечный хаос, который случается за секунду до зарождения новой вселенной.

Они синхронно, повинуясь общему магнетическому импульсу, шагнули навстречу друг другу и соединились в поцелуе.

Дыхание перехватило мгновенно, словно из лёгких разом выкачали весь воздух. Окатившая их волна была такой яростной и чистой, что пульс сорвался на безумный, неконтролируемый ритм. Это не было дежурным кокетством или робкой пробой сил — их губы встретились с жадностью людей, которые слишком долго блуждали в темноте и наконец обрели свой дом. Елена судорожно выдохнула ему в губы, её ладонь скользнула выше, коснулась шеи, а Игорь крепче прижал её к себе, стирая любые границы между «я» и «ты». Они физически не могли остановиться от этого внезапного, обжигающего тепла.

— Зайдёшь? — негромко прошептала она в полумраке, едва отрываясь от его губ.

— Думаешь, стоит? — пробормотал он.

Вся его логика, весь аналитический склад ума сейчас рассыпались внутри на мириады бесполезных клочков бумаги. Математическая точность, которой он так гордился, капитулировала перед этой чистой стихией.

— Да, я хотела бы… но мы можем остановиться. Прямо сейчас, — в её голосе звенела честная, оголённая уязвимость.

Игорь отстранился на долю секунды. Тело била мелкая, лихорадочная дрожь, а внутри стучало одно-единственное желание: он хочет эту девушку. Шаг в пропасть совершён и сейчас он стремительно летит вниз в глубокую неизвестность. Без долгих ухаживаний, без выверенных стратегий и сложных планов — здесь и сейчас. Но прагматичная реальность упрямо напомнила о себе: у него ничего с собой не было.

— Здесь есть круглосуточная аптека или магазин? — спросил он пересохшими губами, не давая себе времени опомниться.

— Да, в соседнем доме, за углом…

Он крепко перехватил её пальцы и буквально потащил за собой туда, где мигал неоновый знак. Игорь действовал на автопилоте: ворвался в зал, швырнул на ленту кассы какие-то случайные продукты, упаковку презервативов, рванул из кармана карту. Счёт шёл на секунды. Оплатив покупки, он так же стремительно увлёк Елену обратно к дому. На полпути, окончательно кружась от собственной дерзости, Игорь резко затормозил в тени старых деревьев, наотмашь смял её в объятиях и жадно до боли впился в её губы, позволяя им обоим окончательно сорваться в эту бездну.

— Я хочу остаться у тебя. До утра. А может быть, вообще навсегда, — выдохнул он ей в шею, обжигая кожу горячим дыханием.

— Серьёзно? — Елена судорожно выгнулась в его руках.

— Да!

В тесной кабине лифта Игорь прижал её спиной к холодной стене, и этот контраст только подлил масла в огонь. Внутри всё разрывалось, джинсы стали невыносимо тесными. В голове зациклилась одна лихорадочная, пульсирующая мысль — содрать с неё эту тяжёлую одежду, ласкать каждую клетку, каждый потаённый сантиметр её тела и вырывать из её груди хриплые, беззащитные стоны.

Они ввалились в квартиру, едва не выломав дверной косяк. Игорь не дал ей даже зажечь свет. В полумраке коридора, под аккомпанемент их собственного рваного дыхания, он начал быстро освобождать её от одежды. Куртки полетели на пол, за ними последовал свитер. Под крепкими пальцами Игоря её хрупкое тело казалось фарфоровым, но в этой хрупкости скрывалась невероятная, голодная сила. Елена сама тянулась к нему, её ладони блуждали под его рубашкой, очерчивая напряжённые мышцы спины, а тонкие медицинские пальцы ласкали его так, как никто до этого момента.

Он подхватил её под бёдра — она оказалась лёгкой, как пушинка, — и принёс на диван. Масштабный взрыв сверхновой вселенной растекался по комнате с выцветавшими розовыми обоями.

Их накрыло лавиной. Он скинул с себя джинсы, освободился от белья. Упаковка презервативов лежала рядом. Он впервые действовал не системно, а лихорадочно, как происходит зарождения новой жизни в хаосе. Это была страсть, сносящая всё на своём пути, где стирались любые условности и страхи. Игорь целовал её изголодавшихся губ, спускался ниже, к пульсирующей жилке на шее, к острым ключицам, заставляя Елену судорожно выгибаться и ловить ртом воздух. Когда барьеры наконец рухнули, мир вокруг них окончательно перестал существовать. Каждый толчок, каждое движение отзывалось в теле электрическим разрядом колоссальной мощности. Они двигались в одном безумном, рваном ритме, сплетаясь пальцами так крепко, словно пытались удержать друг друга над бездной.

Елена стонала — громко, не сдерживаясь, запрокинув голову, и этот звук окончательно лишал Игоря рассудка. Он задыхался от её близости, от запаха её волос и влажной кожи, отдавая всего себя без остатка. В момент пика, когда напряжение достигло космического максимума, внутри словно действительно родилась сверхновая вселенная, выжигая дотла всё их про-

шлое. Они упали в эту темноту вместе, обессиленные, влажные от пота, судорожно цепляясь друг за друга. Сердца колотились в звонкий унисон.

— Я люблю тебя, - рвано пробормотал Игорь, глядя ей прямо в глаза. – И больше не отпущу.

— Да?! – она провела пальцем по его губам, родинке, затем просто удобно устроилась на его широкой груди. - Вот так просто? Со второго взгляда?

- Да, так просто. Я почувствовал это ещё в магазине, когда наблюдал за тобой из очереди. Всё думал: стоит ли подойти, как познакомиться.... А потом твой пакет порвался, и я понял, что Вселенная послала мне знак.

Лена приподняла свои светлые глаза, посмотрела ему в упор, мягко улыбнулась, провела ладонью по взъерошенным волосам и нежно прижалась своим теплым телом, прикрыла глаза. После того, что произошло слова были лишними. Она привыкла всё демонстрировать поступками. Ведь сказать можно что угодно.

А Игорю не нужен был её ответ прямо сейчас. Главное заключалось в том, что он знал – это девушка создана для него, и отныне они пойдут по этому жизненному пути вместе, крепко держась за руки.

Глава 3. Елена. Безупречный брак.

Они съехались удивительно быстро, почти бездумно, словно два осколка, которые физика пространства неумолимо тянула друг к другу. В их маленькой съёмной квартире постепенно зарождался собственный, изолированный от внешнего шума мир. Беззаботность, лёгкость и какая-то звенящая, безудержная смелость Елены ворвались в упорядоченную жизнь Игоря, раскрасив её сочными, живыми красками. Она была стихией.

И на первых порах Игорю это безумно нравилось. Ему, привыкшему сверять каждый шаг с невидимым графиком, было сладостно действовать наобум, подчиняясь её внезапным порывам.

Елена же искала в нём совсем другое — его твёрдую расчётливость, спасительное хладнокровие и тихую, оберегающую осторожность. Ей до дрожи льстило, что из чистой, глубокой любви к ней он вовремя перехватывал её за запястье перед самым краем, когда она прыгала с тарзанки вниз.

Игорь мягко, но непреклонно удерживал её от откровенно безрассудных шагов: опасных для жизни. Он искренне считал, что нельзя бездумно рисковать самым хрупким и ценным даром природы. И Елена, всегда такая строптивая с остальными, его слушалась. В этом подчинении была её высшая степень доверия. А она, напротив, дарила ему порой ту безрассудность, которую так легко можно было потерять за сухими расчётами.

Через четыре месяца после знакомства она сообщила ему, что они летят в первый совместный отпуск на море. Игорь начал заваливать её вопросами, требуя точных данных. Но Лена лишь махнула рукой и сказала, что ветер укажет путь. Поначалу он насторожился. А потом её свобода взяла верх. И это был самый лучший отпуск: рискованный, без расписания, без сухих цифр.

Они жили в маленьком домике в двадцати минутах ходьбы от моря. На завтрак покупали свежие фрукты и местные сыры, на обед ходили в уютные кафе с южным колоритом, а ужинали на пляже фастфудом и бутылкой вина. Две недели беззаботного, чудесного отдыха. Именно там Игорь решил, что непременно сделает ей предложение. К чему усложнять всё, если она его вторая половинка и судьба?

В последний вечер они сидели на берегу моря. Игорь перебирал её русые пряди, целовал макушку и был поистине окрылён и счастлив.

— Лена я тебя безумно люблю. Я ни разу не встречал таких чудесных, невероятных девушек. И знаешь, ты меняешь мой баланс. Нарушаешь все графики. И это прикольно!

— Знаю, Игорь! Я тоже тебя выбрала, ещё тогда в тесном лифте.

— Давай поженимся?

Лена вскинула левую бровь, прищурилась, ища подвоха.

— Слушай, по-моему, ты всё-таки маньяк? – и она залилась сокрушительным звонким смехом.

Он крепко обнял её и повалил на тёплую гальку, затем очень внимательно и пристально замер на голубых огоньках:

— Я серьёзно. К чему откладывать? Или у тебя есть другие варианты?

— Нет.

Игорь на мгновение нахмурился.

— Других вариантов нет. А замуж – да. Давай. Если ты готов связать свою жизнь с экстремально горячей и экстраординарной девушкой. То да, прыгай!

— Уф… - облегчённо выдохнул Игорь. – Да, я готов и очень этого хочу.

Домой они вернулись уже в статусе жениха и невесты. И сразу же принялись готовиться к главному празднику.

Их свадьба была манифестом против фальшивого лоска. Никаких баснословно дорогих колец, крикливой тамады, шаблонных конкурсов и фальшивых музыкантов. Всё строго в рамках скромного бюджета, без унизительных предсвадебных кредитов. Но даже в этой обыкновенной простоте Елена выглядела ошеломляюще, до перехвата дыхания, шикарно.

Взятое напрокат летящее бело-розовое платье окутывало её хрупкую фигуру нежным облаком. Волосы были уложены в изящную греческую косу, открывающую тонкую линию шеи, а естественный, едва заметный макияж лишь подчеркивал юную свежесть кожи. В руках она сжимала маленький, трогательный букет из чайных роз. В этой недосказанности образа было столько чистой, пронзительной нежности, что родители, глядя на них по время регистрации брака, невольно прослезились.

А Игорь, всматриваясь в лицо своей невесты, понял, что пропал окончательно и бесповоротно. Внутри него, под рёбрами, разрасталось настоящее, фундаментальное, пугающее своей силой чувство. Он смотрел на неё и безмолвно клялся, что сделает для этой женщины всё — возможное, невозможное, переступая через любые законы логики и морали. Он выстроит для неё самую счастливую, безупречную реальность. Ради этого живого блеска в её глазах, ради этой редкой, детской улыбки он, не задумываясь, упадёт в самый глубокий ад, покорит ледяной космос или по собственной воле выжжет дотла свою душу.

Он принадлежал ей весь, до последней капли крови. И это была самая прекрасная точка невозврата.

Первые три года брака пронеслись на одном дыхании, соткав их будни из лоскутков безумной усталости и абсолютной, щемящей нежности. Это было время, когда они учились делить одну жизнь на двоих на фоне карьерных штурмов и вечной нехватки сна.

Игорь стремительно рос. Его математический ум, холодная расчётливость и способность видеть за сухими цифрами живые потоки бизнеса не остались незамеченными. Из рядового сотрудника он шаг за шагом пробивал себе дорогу вверх, пока наконец не занял заветное кресло главного бухгалтера крупной фирмы. На его плечи лёг колоссальный груз ответственности, а рабочие дни превратились в бесконечную череду аудитов, налоговых проверок и поздних отчётов, которые он часто дописывал уже дома, приглушив свет настольной лампы.

Их дом превратился в тихую гавань с собственным, ни на что не похожим расписанием. Часто они разминались в дверях: Игорь, пахнущий парфюмом и свежим кофе, уходил на утреннюю летучку, а Елена, бледная, с тёмными тенями под глазами от бессонной ночи, едва разувалась в прихожей. Но даже в этой суматохе они находили свои сакральные моменты. Игорь оставлял на кухонном столе короткие записки с признаниями и заботливо поставленной чашкой кофе, и ванильной булочкой, а Елена, засыпая, всегда сворачивалась калачиком на его половине кровати.

А потом наступали их редкие, выстраданные отпуска. Раз в год они бросали всё — выключали рабочие телефоны, игнорировали звонки из клиники и бухгалтерии — и сбегали. Это были те самые мгновения, когда Елена снова превращалась в ту безудержную, лёгкую девочку из магазина, а Игорь отпускал свой тотальный контроль. Они забирались в непроходимые леса, жгли костры у ледяных озёр, уезжали к морю без брони отелей, засыпая под открытым небом в объятиях друг друга. В эти недели они словно заново пили ту чистую, концентрированную страсть из лифта, напоминая себе, что они всё ещё молоды и влюблены.

Со стороны их союз казался идеальным, выверенным механизмом. Они срослись характерами, бытом, привычками. Игорь по-прежнему был её надёжным щитом, Елена — его ярким солнцем.

Своё четвертое лето они провели в крошечном, утопающем в зелени приморском городке, подальше от шумных курортных зон. Это был их долгожданный двухнедельный отпуск. Без звонков из клиники, сводок налоговых аудитов. Только соль на коже, шелест тёплой гальки под ногами и бесконечный, залитый солнцем горизонт.

В один из вечеров, когда жара уступила место мягкой, бархатной прохладе, они устроились на самом краю безлюдного дикого пляжа. Игорь лежал на гальке, подставив лицо закатным лучам, а Елена сидела рядом, обняв колени. Неподалёку, у кромки спокойной воды, обосновалась молодая семья. Двое карапузов, пухлых и загорелых, с восторженным писком ловили набегающие пенистые волны, то и дело спотыкаясь и падая в тёплые брызги. Их мама, смеясь, пыталась поймать младшего, чтобы обтереть полотенцем. А он весело удирал от неё, гогоча так заливисто, что сердце Елены наполнилось щемящей нежностью.

Елена заворожённо смотрела на эту картину. И вдруг внутри неё, где-то под самым сердцем, разлилась странная, ни на что не похожая волна. Это не было сухим логическим выводом или планом, который можно занести в календарь. Накатил пронзительный, почти физический, щемящий импульс: она отчётливо, до замирания пульса поняла, что хочет ребёнка. Хочет вот так же ловить мокрыми руками маленькое, тёплое существо, чувствовать его беззащитное дыхание на своей шее и делить эту огромную, новую любовь с мужчиной, который лежит рядом.

Она повернула голову к Игорю и осеклась.

Он не спал. Он смотрел туда же, на плещущихся в воде детей. Но в его обычно сдержанном, просчитывающем каждый шаг лице сейчас не было привычной маски строгого главбуха. В глубине его потемневших глаз затаилась такая бездонная, обезоруживающая нежность, какую Елена не видела у него со времён их первой ночи. Его губы были тронуты едва заметной, непривычно мягкой улыбкой. Он созерцал чужую семейную идиллию так, словно примерял её на себя, бережно и робко.

Этого мимолётного взгляда Елене хватило, чтобы отбросить все страхи и стеснение. Сердце забилось чаще, но это была приятная, волнующая тревога. Она придвинулась ближе, наклонилась и поцеловала в губы, выводя из задумчивости, потом мягко накрыла его ладонь своей прохладной рукой и тихо, но удивительно твёрдо произнесла:

— Игорь…

Он перевёл взгляд с чужих детей на свою жену. Внутри него растекалось приятное чувство.

— Я хочу ребёнка, — сказала она открыто, без намёков и долгих предисловий, в упор глядя в глаза.

Игорь замер. Секундная пауза показалась Елене вечностью, в которой затих даже шум прибоя. А затем его пальцы судорожно переплелись с её пальцами, сжимая их, и он резко притянул её к себе, утыкаясь лицом в её пахнущие солью волосы, покрывая губы поцелуями, такими же глубокими и жадными, как когда-то.

— Я тоже этого хочу… прямо сейчас… — хрипло выдохнул он.

Игорь резко подался вперёд, опрокидывая её спиной на тёплые, прогретые за день камни. Его глаза, потемневшие от мгновенно вспыхнувшего, голодного желания, смотрели в самое сердце. В этом взгляде больше не было расчётливого бухгалтера — только мужчина, обуреваемый первобытным, созидательным инстинктом.

— Но не здесь… побежали домой… делать детей…

Они сорвались с пляжа, почти не разбирая дороги, от внезапного, общего сумасшествия. Захлопнув дверь съёмного домика, они сорвались в рай безумной любви. Сквозь панорамное окно комнаты лился густой, розовато-золотой закатный свет, окрашивая комнату в тона янтаря.

Игорь не дал ей сделать и шага. Он прижал её к стене, но в этом движении, вопреки бешеному пульсу, не было прежней слепой, эгоистичной ярости. Впервые за всё время их совместной жизни в этих объятиях пульсировало нечто совершенно новое — не просто исступлённая страсть мужчины и женщины, а сакральное, трепетное ожидание человека, которого

пока ещё не существовало в природе, но которому они уже мысленно, навечно освободили место в своей вселенной.

Игорь бережно раздел Лену, опустился на колени, его ладони — широкие, горячие — медленно, с благоговением скользили вверх по её бёдрам, очерчивая талию, задерживаясь на животе, словно он уже пытался расслышать там зарождение новой жизни. Елена судорожно выдохнула, запуская пальцы в его волосы, когда его губы коснулись её кожи — нежно, почти невесомо, но от этих поцелуев по телу прокатывались волны раскалённого блаженства.

Он поднял её на руки, бережно, как величайшую ценность, и опустил на кровать. Пахнущий солью и южными травами воздух казался осязаемым, густым. Их близость в этот вечер напоминала красивый, затяжной танец на грани выдоха. Игорь входил в неё медленно, ласково, заставляя Елену погружаться в неизвестную глубину нежности и любви на грани фола. Они не спешили.

Каждое мимолётное движение, каждый толчок сопровождались непрерывным, гипнотическим контактом глаз. Елена выгибалась навстречу, её кожа покрылась мелкой испариной, отражая блики заката, а стоны — тихие, горловые, беззащитные — срывались с губ в такт их общему ритму. Игорь ласкал её тело так, словно заново переписывал анатомию её удовольствия, чутко улавливая малейшую дрожь её ресниц.

На пике, когда напряжение стянулось в одну звенящую струну, их накрыло не взрывом, а мягкой, огненной лавиной. Это было растворение друг в друге на каком-то клеточном, молекулярном уровне. Они замерли, тесно сплетённые руками и ногами, слушая, как бешено и синхронно стучат их сердца. Игорь прижался лбом к её мокрому виску, тяжело дыша, а Елена заплакала — тихо, беззвучно, от переизбытка этой оглушительной, чистой любви, которая навсегда запечатала эту комнату в их памяти как высшую точку земного рая.

Глава 4. Игорь. Восемнадцать безнадёжных циклов.

После возвращения с побережья они впервые заговорили о ребёнке не как о призрачном, далёком будущем, которое когда-нибудь само соткётся из воздуха, а как о вполне осязаемой реальности. Реальности, под которую они уже здесь и сейчас освобождали место в своей квартире и в своих планах.

Первые полгода они никуда не торопились. Елена принципиально не высчитывала опасные и безопасные дни, не закупала тесты упаковками, не прислушивалась маниакально к малейшим изменениям в теле и не искала внутренних признаков. Они просто жили своей привычной, наполненной работой жизнью. И каждый раз, когда очередной цикл завершался не тем, чего они оба трепетно ждали, Игорь обнимал её за плечи и спокойно произносил одну и ту же фразу:

— Ничего. В следующий раз получится, родная.

Елена кивнула, утыкаясь ему в ключицу:

— Конечно.

Этот «следующий раз» казался ей почти гарантированным, неизбежным событием. Они были молоды, абсолютно здоровы, отчаянно любили друг друга, и сама мысль о том, что зарождение новой жизни может не подчиниться их обоюдному желанию, казалась чужеродной, абсурдной и невозможной. Наверное, именно так большинство счастливых людей и думает, пока судьба не заставит их узнать обратное: будто между решением родить ребёнка и его криком в родзале существует прямая, короткая и гладкая дорога, которую достаточно просто лениво пройти прогулочным шагом.

Первый раз настоящая, горькая тревога коснулась Елены почти незаметно. Когда за окном бушевала мартовская метель, город засыпало запоздалым снегом с градом. А внутри вдруг стало как-то пусто, одиноко и морозно.

Она сидела на холодном краю ванны, тупо всматриваясь в менструальный календарь в телефоне, а потом медленным, выверенным движением опустила гаджет экраном вниз на свои бледные колени.

Игорь заглянул в полуоткрытую дверь и понял всё без лишних слов — по одной лишь поникшей линии её плеч.

— Не получилось? — тихо спросил он, останавливаясь на пороге.

Она едва заметно покачала головой, не поднимая глаз:

— Пока нет.

— Ничего страшного, Лен. Ну правда.

— Я знаю.

Он подошёл, опустился рядом с ней на корточки, мягко взял её ладони в свои.

— Слышишь? Вообще ничего страшного. Мы только начали.

Она вымученно улыбнулась ему, но эта улыбка вышла блёклой, надломленной и слабой.

— Да. Я тоже так думаю.

Через несколько дней суета рабочих будней закрутила их, и они почти забыли об этой минутной слабости.

Но спустя ещё три месяца забывать стало слишком сложно. Время начало неумолимо сгущаться, превращая их спальню из пространства чистой страсти в зал ожидания, где каждый шорох казался зловещим знамением. Занятия любовью больше не приносили той радости и не возносили к небесам. Это стал привычный ритуал, который они безукоризненно соблюдали каждые три дня.

Елена начала считать. Она до секунды знала все даты, чутко, до звона в ушах, прислушивалась к внутренним ощущениям и выискивала изменения, которых раньше попросту не

существовало. Любая случайная, фоновая усталость после смены могла на пару часов превратить её в самого счастливого человека на земле. Но обычное, трезвое утро неотвратимо возвращало всё на круги своя.

Игорь искренне старался не спрашивать. Не нагнетать. Не приставать с расспросами. Он видел всё по её лицу, по потухшим глазам. По опущенным уголкам губ.

Постепенно свободная, порхающая девушка превращалась в грустную, опустошённую женщину. Игорь пытался её растормошить, предлагал походы и неожиданные прогулки, но она отмахивалась и всё глубже погружалась в чтение специальной литературы. После близости она подолгу лежала с поднятыми ногами, принимая позу «берёзка», и отказывалась от жирной и жареной пищи. Ко всем рекомендациям относилась почти фанатично.

Он прекрасно понимал, что каждое его неосторожное, дежурное «Ну что?» способно превратить это ожидание в пытку, поэтому просто безмолвно наблюдал. Видел, как она дольше обычного задерживается по утрам в ванной, как потом сидит на краю кровати с отрешённым, пустым взглядом, уставившись в одну точку на полу. Видел, как она постепенно замолкает и перестаёт делиться своими надеждами — ведь каждая надежда, облечённая в слова, становилась слишком осязаемой, а оттого — убийственной. Видел лаконичные, жестокие в своей белизне отрицательные тесты, которые она по-медицински чётким, автоматическим движением выбрасывала на самое дно мусорного ведра. Слышал её истеричные крики, потом слёзы в подушку. Он правда старался стать для неё опорой, всячески отвлекал от грустных мыслей. Но искренне понимал, что тоже виноват в этом.

Однажды вечером, когда тишина в гостиной стала почти осязаемой, Елена вдруг негромко произнесла:

— Наверное, со мной что-то не так.

Игорь мгновенно отложил книгу на журнальный столик.

— Почему ты так решила?

— Потому что у других получается сразу, — её голос прозвучал остро, без надрыва, но удушающе тяжело.

— У кого «у других»?

Она беспомощно повела хрупкими плечами:

— Да у всех. Кто хочет, кто нет. В больнице у Зины уже третий будет, а она всё никак не может выйти на работу — всё в декретах. В гинекологическом отделении снуют беременные женщины самых разных возрастов. Молоденькие девушки гуляют по городу с животами. А я не могу! Я бракованная! Зачем ты на мне женился?

— Далеко не у всех, Лен. Поверь, таких пар, как наша, много. Мы просто не кричим об этом на каждом углу. И я женился на тебе, потому что безумно люблю. Даже сейчас. Спустя пять лет.

Он поднялся с кресла, подошёл к ней и сел рядом, улавливая исходивший от неё тонкий аромат лавандового мыла.

— Мы пробуем только год.

— Одиннадцать циклов, Игорь.

— Это всё равно не срок для паники.

Она повернула к нему лицо, и в её глазах мелькнула пугающая своей глубиной бездна:

— А если этого… вообще никогда не произойдёт?

Игорь не нашёл ответа сразу. Ему до боли в груди хотелось выдать ей стандартный набор утешений: сказать, что всё обязательно будет хорошо, что уже совсем скоро они будут качать на руках своего первенца, а через пару месяцев — со смехом вспоминать эти глупые страхи. А ещё через несколько лет родят второго. И будут мечтать вернуться на время вот в такие спокойные уединённые вечера. Но его внутренняя честность протестовала. Он органически не умел давать обещания, исполнение которых не мог гарантировать лично.

Поэтому он выбрал единственно верное оружие — правду.

— Значит, мы будем разбираться с этим вместе. Давай для начала сдадим анализы, сходим к врачам. У вас ведь в клинике работают отличные специалисты?

Елена на долю секунды заметно напряглась, в её взгляде мелькнула профессиональная гордость, смешанная со страхом уязвимости.

— Нет. Давай только не в мою клинику. Пожалуйста. Я не хочу, чтобы наши диагнозы обсуждали в курилках, а за спиной шептались в туалетах. Врачебное сообщество бывает безжалостным. Найдём независимый центр.

— Как скажешь, родная. Я с тобой, слышишь? Я люблю тебя, и мы со всем справимся. Ты ведь мне веришь?

— Верю… но я так чёртовски устала, Игорь, — она бессильно уронила голову ему на грудь.

— Знаю, моя хорошая. Знаю… Поэтому мы едем в отпуск. Нам нужно вырваться из этих удушающих лап квартиры, города. Просто снова расслабиться и насладиться морем и солнцем.

И Елена в очередной раз остро, до мурашек поняла, что любит его именно за такие ответы. Он никогда не кормил её фальшивыми иллюзиями, не пытался заговаривать ей зубы и не обещал дешёвых чудес только потому, что ей прямо сейчас было до смерти страшно. Его надёжность была осязаемой, как скала.

И они отправились в отпуск на море в маленький тихий отель. Но теперь Лена не могла спокойно смотреть на радостных малышей, счастливых и уставших мамочек, беременных. Внутри всё переворачивалось и обливалось страшным огнём. Наконец, она просто заперлась в номере и горько рыдала в подушку. Игорь пытался её развеселить, но всё было безуспешно. Она потеряла свою радостную и беззаботную часть где-то посредине холодной зябкой зимы. Солнце больше не радовало. Даже занятия любовью здесь не давали ей того, что было раньше. Мир стал серым.

Ещё через несколько месяцев эта неотвязная, изматывающая тревога окончательно вросла в их будни, став частью жизни.

Елена могла совершенно спокойно, профессионально собранно прожить весь день, но стоило ей вечером наткнуться взглядом на беременную женщину в супермаркете, как внутри всё сжималось в болезненный узел. Однажды на детской площадке возле дома какой-то мальчуган лет трёх случайно бросил ей испачканный в песке мяч. Она поймала его, улыбнулась, вернула ребёнку и ещё долго стояла возле качелей, заворожённо наблюдая за матерью, которая заботливо поправляла сыну капюшон куртки.

Дома она закрылась в ванной, включила воду, чтобы заглушить звуки, и разрыдалась.

Игорь не стал ломиться в дверь и засыпать её бесполезными вопросами. Он просто ушёл на кухню, молча поставил чайник и стал ждать. Когда она наконец вышла, её глаза были опухшими и красными.

— Я ненормальная, — глухо произнесла она, опёршись о дверной косяк.

— Почему ты так решила?

— Я уже плачу, когда просто вижу чужих детей на улице. Это клиника.

Игорь подошёл к ней вплотную, мягко заглядывая в лицо.

— Это не значит, что ты сумасшедшая, Лен.

— А что это значит?

— Только то, что ты отчаянно хочешь своего.

Она бессильно прижалась к его груди и несколько минут стояла неподвижно, слушая размеренный, успокаивающий стук его сердца. Потом вдруг тихо, с надрывом спросила:

— А если я… физически не смогу?

Игорь обнял её ещё крепче, почти до боли.

— Слушай меня внимательно. Все анализы чистые. Обследование не нашло ни единой патологии, мы оба здоровы. Пожалуйста, милая моя Елена Прекрасная, не отчаивайся. Ну хочешь, я пойду и украду для тебя ребёнка? Или давай прямо сейчас соберём документы и возьмём малыша из детского дома? Что мне сделать, чтобы тебе стало легче?

— Нет… Пока не надо, — Елена слабо, сквозь слёзы улыбнулась его безумному каламбуру про кражу. — Но ты запиши это в свои бухгалтерские планы на следующее лето. Мне просто невыносимо больно, Игорь. И это так чёртовски несправедливо… Почему те, кому дети совсем не нужны, рожают пачками на теплотрассах, а те, кто готов отдать всю душу, мучаются и годами страдают в пустоте? Почему этот мир настолько уродливо несправедлив?

— Я не знаю, родная, — честно ответил он, целуя её в макушку. — Не знаю. Но я безумно тебя люблю. И никогда, слышишь, никогда тебя не отпущу. Мы со всем справимся.

Она подняла на него глаза.

— Да, слышу. Знаешь, я выбрала тебя пять лет назад точно не зря.

— И у нас обязательно будет ребёнок.

— Будет.

Пятнадцать бесплодных циклов. Пять тяжелейших нервных срывов. И подступающее, удушливое неверие в то, что это чудо вообще когда-нибудь случится. Время, которое раньше измерялось временами года, теперь измерялось исключительно короткими вспышками надежд и затяжными, болезненными разочарованиями. Некоторые роковые даты Игорь помнил наизусть — лучше, чем хотел бы. Некоторые вечера Елена проводила в абсолютной тишине, не реагируя на внешние раздражители. Иногда они взрывались и ссорились из-за сущих пустяков — невымытой чашки или задержки на работе, — но оба прекрасно понимали, о чём на самом деле этот яростный, надрывный спор. В воздухе пахло грозой. Неминуемой катастрофой.

Однажды Игорь вернулся домой за полночь после тяжелейшего закрытия годового баланса. В квартире стоял полумрак. Пройдя в спальню, он замер на пороге.

Елена сидела прямо на полу перед распахнутым шкафом-купе, не моргая смотрела сквозь пространство. Дверцы были раздвинуты настежь, но она ничего оттуда не доставала. Она просто сидела в темноте, обхватив руками колени.

— Что случилось? — тихо спросил Игорь, опускаясь на колени рядом с ней.

— Ничего. Просто снова мимо.

— Лен.

Она медленно повернула голову. На её лице застыла незнакомая ему, пугающая отрешённость.

— Я устала. Я просто так больше не могу.

Игорь сел на пол, прислонившись спиной к прохладной дверце шкафа.

— Знаю, милая. Я тоже устал. Чертовски. От работы, этих попыток. Но я здесь. С тобой.

— А я с тобой. Каждый месяц я сначала до умопомрачения верю, что всё получилось, а потом… потом земля снова уходит из-под ног.

Она говорила пугающе спокойно, но в глубине голоса уже зарождалась едва уловимая дрожь.

— Я устала надеяться. Устала носить эту дурацкую маску, делать вид перед коллегами, перед тобой, родителями, что мне всё равно. Отвечать на вопросы твоей мамы: когда я уже рожу ребёнка. Устала сверять свою жизнь с этим чёртовым календарём, высчитывать дни, складывать цифры. Я хочу просто побыть живым человеком, Игорь. Хочу не думать об этом хотя бы один месяц.

Он перехватил её пальцы, крепко сжимая в своей ладони.

— Давай.

— Что «давай»? — она недоверчиво прищурилась.

— Давай не будем думать. Вообще.

Она посмотрела на него с горькой, вымученной улыбкой.

— Но как? Как прикажешь выключить голову, если эта мысль проросла во мне намертво?

— Я пока не знаю.

— Я тоже… — Елена шумно выдохнула, уткнувшись лбом в его плечо. — Наверное, поэтому мне и нужен этот перерыв. Игорь… мне необходима передышка. От всего. От этих стен, от клиники, от вечного ожидания. Я хочу уехать на две недели. Совсем одна. Если ты, конечно, не против.

Игорь замер. Слова жены отозвались внутри острым паническим уколом. Логика бухгалтера требовала контроля, но любовь заставляла уступить.

— Если тебе это действительно требуется, я готов, — он с трудом сглотнул подступивший к горлу ком. — Я сделаю всё, что попросишь. Только… пожалуйста, пообещай, что ты меня не бросаешь. Я просто не переживу твой уход.

Елена вздрогнула, услышав в его голосе эту непривычную, обнажённую беспомощность. Она повернулась, мягко обняла его за шею и прижалась всем телом, стремясь растворить его страх.

— Глупый… Ну конечно же, нет, — прошептала она ему в губы, прежде чем коснуться их долгим, успокаивающим поцелуем. — Я выбрала тебя. Тогда в прошлой жизни. А сейчас мне просто нужно склеить свою душу.

Елена уехала туманным январским утром, оставив Игоря один на один с пустой квартирой.

Эти две недели превратились для него в бесконечный, беззвучный, затянувшийся выдох. За окном монотонно кружила колючая, обжигающая холодом, метель, засыпая подоконники белоснежным снегом, а в комнатах воцарилась противоестественная тишина. Её не удавалось заглушить ни допоздна включённым телевизором, ни бесконечной работой, которую Игорь пачками приносил из офиса. Без неё этот замерший в самой середине зимы дом казался лишь безжизненным набором бетонных коробок. Полтора года безуспешных, изматывающих попыток забеременеть, казалось, выжали из этих стен всю радость. Но он надеялся, что эта поездка вернёт ему жену. Ту радостную, легкую женщину, которую он когда-то до безумия полюбил.

А потом она вернулась.

Изменения Игорь заметил сразу, когда она легко распахнула дверь в их пустую обречённую квартиру. В её движениях, в том, как свободно покачивались плечи под плотным зимним пальто, больше не было прежней удушающей тяжести. Да, в глубине её глаз по-прежнему сквозила лёгкая, едва уловимая растерянность человека, который заново учится дышать, но там — впервые за долгие месяцы — снова вспыхнул тот самый, почти потухший огонёк. На её губы вернулся прежний, колючий и живой юмор, а в голосе зазвенела подзабытая лёгкость.

Она словно сбросила с себя невидимый траурный платок. И эта обретённая свобода мгновенно сдетонировала в их спальне.

Их близость в первую же ночь после её возвращения превратилась в безудержный, голодный шторм. Но настоящий взрыв случился спустя три дня.

Елена сделала то, чего не позволяла себе никогда за все годы их брака. Она без предупреждения ворвалась к нему в офис прямо посреди рабочего дня. Игорь сидел за столом, заваленный ворохом документов, квартальных отчётов и кипами бумаг, когда дверь кабинета резко распахнулась и тут же защёлкнулась на замок.

На пороге стояла она. Грудь её высоко вздымалась от глубокого дыхания, волосы были растрёпаны январским ветром, а на щеках горел лихорадочный, дикий румянец.

— Лена? Что-то случилось? — он удивлённо приподнялся, роняя ручку на открытую папку.

Вместо ответа она сделала шаг вперёд. Одним стремительным, рваным движением скинула куртку на пол. Не останавливаясь, продолжая наступать на него, стянула через голову тёплый свитер, джинсы, бросая их под ноги, и осталась в одном нижнем белье.

Игорь замер, забыв, как дышать. На ней был новый, сногсшибательный комплект красного кружева, который безупречно очерчивал её хрупкую, точёную фигуру. Он смотрел на жену и не верил собственным глазам. Неужели это она? Та самая девушка, в которую он когда-то влюбился мгновенно и бесповоротно. С которой начисто забывал про планы и расписания. С которой упрямо шёл в горы и стоял на головокружительной высоте двух тысяч двухсот пяти метров, озираясь вокруг и боясь пошевелиться, потому что до этого самого момента тотально, до дурноты боялся высоты. Та, что раз за разом открывала его заново и подчистую переписывала его внутренний код.

Это была она. Его Лена. Его жизнь.

И Игорь сорвался в это ущелье — добровольно, жадно, с остервенением. Он взял её здесь, прямо на столе, впечатав спиной в документы и отчёты. Внутри зарычал первобытный, заложенный миллионами лет эволюции инстинкт, требующий обладания, подчинения и слияния.

Елена отчаянно вцепилась пальцами в его плечи, раздирая ногтями ткань рубашки, обвила его бёдра ногами, намертво замыкая этот замок, и не отпускала, принимая каждый его яростный, сокрушительный толчок. В кабинете стоял лишь хриплый звук их общего, рваного дыхания да шорох сминаемой под их телами бумаги. Напряжение вывернуло наизнанку, взорвавшись внутри ослепительной вспышкой, от которой у Игоря потемнело в глазах.

Она держала его так, пока его дыхание наконец не вернулось в прежнее русло. А затем Елена так же внезапно отстранилась. Молча поднялась, поправила кружево, оделась и вышла из кабинета, даже не обернувшись. Дверь тихо щелкнула.

Игорь остался сидеть в кресле — растерянный, опустошённый и безумно, до покалывания в мышцах удовлетворенный. А вокруг него на полу веером лежали разбросанные, измятые листы годового баланса.

Следующие месяцы они не думали о беременности. Просто безумно занимались любовью, когда этого хотели.

Так приблизился апрель. Капель уже устала отбивать свой ритм и днём всё ярче сияло солнце. После поездки Лена стала спокойнее, она перестала плакать в конце неудачного цикла. Наконец-то снова начала улыбаться. Игорь искренне верил, что та поездка действительно вернула ему жену. Ту самую, в которую он однажды безвольно и безропотно влюбился.

Солнечным весенним утром Елена лежала неподвижно, вслушиваясь в мирное дыхание мужа, но затем почувствовала знакомую тревогу и тихо встала, стараясь не скрипеть половицами. Наступал очередной день икс. Но последние три цикла она не сходила с ума, не рыдала безудержно в подушку. Просто принимала и жила дальше.

Утро занималось самое обыкновенное. Никакого предчувствия, никакого внезапного озарения. Только странная, упрямая задержка, которую она первые дни малодушно пыталась игнорировать. Чтобы потом не было сокрушительно больно. Это просто сбой. Так было легче. По крайней мере сейчас, когда смогла вновь вернуть себя. После долгих месяцев потерь, одиночества, бессилия. Она не могла вновь позволить себе надеяться. Не в это утро. Потом. Через несколько месяцев. Но сейчас она хочет жить. Заниматься любовью. Ловить солнечного зайчика. Дышать.

Но детское желание узнать, что же с ней такое, а вдруг, сработало на автомате. Она быстро оделась и вышла в круглосуточный магазин у дома. Сердце сорвалось на частый, пугающий ритм.

Обратно она возвращалась уже с маленькой коробочкой в кармане. Игорь всё ещё спал, размеренно дыша уткнувшись в подушку. Елена плотно прикрыла за собой дверь туалета, положила тест на колени и долго смотрела на него, не решаясь даже сорвать защитную плёнку.

Ей вдруг стало по-настоящему страшно. И этот страх был новой природы. Она боялась увидеть не одну полоску — к этому сценарию за двадцать один цикл выработался прочный иммунитет. Она до смерти боялась поверить в то, что чудо возможно.

Она сидела, сжимая в кулаке тонкую полоску пластика. Затем глубоко выдохнула и сделала тест. Не глядя подхватила полоску и вышла из туалета. Она положила его на стол. Прошло положенное время. Внутри всё сжалось в комок. Она боялась даже представить, что сейчас там будут такие долгожданные две полосочки красного цвета. Почему-то именно сейчас ей вдруг предательски захотелось увидеть безнадёжную одинокую линию. Возможно, так было бы проще. Но…

Две. Две чёткие, яркие линии.

Она закрыла глаза. Сосчитала до пяти. Открыла. Они всё ещё были там, неподвижные и осязаемые. Елена осторожно провела подушечкой пальца по контрольной отметке, словно пытаясь физически на ощупь проверить, не обманывает ли её зрение. Ещё раз прочитала инструкции, сверилась с результатами и разрыдалась, опускаясь на пол кухни.

Она плакала не от банального счастья, которое так легко объяснить словами. В этих хлынувших слезах сейчас разом выгорало всё то, что копилось внутри долгие двадцать месяцев: изнуряющее ожидание, панический страх неполноценности, скрытая злость на собственное непослушное тело, ядовитая зависть к женщинам, которые беременели мимоходом. Здесь были все её бессонные ночи, ночные разговоры на полу, осторожное и выверенное «в следующий раз» и её собственное фальшивое «ничего страшного», в которое она сама уже давно перестала верить. Шлюзы сорвало.

Кое-как утерев лицо, она нашла в себе силы дойти до спальни. В комнату уже пробивался яркий рассвет, обещая новую невероятную непредсказуемую жизнь.

— Игорь.

Он пошевелился, просыпаясь неохотно.

— Мм?

— Игорь, проснись.

Он приподнялся на локте, щурясь от утреннего света и её неземной красоты.

— Что случилось, Лен? Ты почему так рано?

Она ничего не ответила. Слов просто не нашлось — они застряли комком в горле. Елена молча подошла к кровати, включила ночник и протянула ему раскрытую ладонь.

Он сел, ещё сонный, взъерошенный, посмотрел на её заплаканное и счастливое лицо, а затем перевёл взгляд на то, что она сжимала в дрожащих пальцах. Сначала в его глазах скользнуло непонимание — сознание бухгалтера упорно отказывалось обрабатывать информацию без предварительного расчёта. Потом до него дошло.

Игорь замолчал. Эта пауза показалась обоим бесконечной.

— Правда? — его голос прозвучал непривычно тихо, почти сипло.

Елена кивнула, снова глотая слёзы.

— Ты уверена, Лен?

Она всхлипнула и сквозь плач рассмеялась:

— Это оно, Игорь.

Игорь машинально сгреб её в охапку и прижал к себе с такой неистовой силой, словно пытался защитить её и то крошечное, зарождающееся внутри неё будущее от всего мира.

— Иди сюда… Моя девочка. Господи, иди сюда, — бормотал он, утыкаясь лицом в её волосы. Его голос дрожал от подступивших скупых мужских слёз. Чудо! Совершилось что-то невероятное. Какая-то неведомая сила сотворила для них это маленькое чудо.

Они лежали посреди спальни, намертво сцепившись в объятиях, и Игорь чувствовал, как её тело сотрясается от рыданий. Они победили. Им казалось, что теперь, после этого выстра-

данного триумфа, их жизнь станет абсолютно чистой и безопасной. Они ещё не знали, к чему приведёт это выстраданное счастье. Но на горизонте уже мелькали тени.

Глава 5. Игорь. Крошечный комок беспокойства.

После того памятного дня Елена ещё долго не могла привыкнуть к мысли, что внутри неё действительно зарождается новая жизнь. Первые недели она относилась к своему состоянию почти недоверчиво, с чисто врачебным скептицизмом. Иногда она внезапно просыпалась посреди ночи, бережно клала ладонь на пока ещё плоский живот и замирала так на несколько минут. Она чутко прислушивалась к собственному телу, будто ожидала немедленного, осязаемого подтверждения. Потом тихо улыбалась своему детскому нетерпению и убирала руку, засыпая до рассвета.

Игорь, напротив, поверил сразу и безоговорочно. С первого же дня он начал говорить о малыше так, словно тот уже сидел рядом с ними за кухонным столом.

С первых месяцев Игорь начал относиться к Елене так, словно она внезапно превратилась в хрупкую фарфоровую статуэтку, которую стоило беречь от малейшего сквозняка. Он категорически запретил ей прикасаться к тяжёлым сумкам, сам носил все покупки и чутко просыпался по нескольку раз за ночь от любого её вздоха или движения.

Однажды она проснулась около трёх часов ночи от негромкого шороха и обнаружила, что мужа нет рядом. Выйдя в коридор, Елена увидела, что Игорь стоит посреди кухни в одних пижамных штанах и что-то сосредоточенно режет.

— Игорь.

Он ощутимо вздрогнул от её голоса.

— Что?

— Ты чего там делаешь в темноте?

— Режу яблоко.

Он посмотрел на неё совершенно серьёзно, не мигая:

— Ты сама сказала, что до безумия хочешь яблок. Настоящих, сочных.

Елена некоторое время молча переваривала информацию, опершись о дверной косяк.

— Игорь, я сказала это вчера вечером. Рано-рано вечером.

— Я знаю. Но хорошие яблоки появились только сейчас.

— В три часа ночи?

— Да. Когда ты уснула, я поехал искать самые лучшие. И выбрал эти. Они подходят. Вот.

— И зачем ты их сейчас режешь на дольке?

— Ты ведь хотела.

Она посмотрела на его взъерошенный вид, на разделочную доску и вдруг весело, звонко рассмеялась на всю квартиру:

— Я уже передумала.

Игорь медленно опустил нож.

— Хорошо.

— Теперь я хочу апельсин. Сладкий, марокканский.

Он на секунду закрыл глаза, безмолвно молясь бухгалтерским богам.

— Конечно.

— Что «конечно»?

— Ничего. Я это предвидел и поэтому купил всё сразу — клубнику, селёдку, огурцы, слоёное тесто…

Елена звонко рассмеялась, шагнула к мужу и крепко прижалась к его груди. Именно в эту секунду она осознала, что безоговорочно, абсолютно счастлива. Просто так. Без условий и оговорок. Потому что когда-то, в грязном мартовском супермаркете, безошибочно выбрала правильного мужчину из тысяч других.

— А теперь я хочу тебя…

Она аккуратно забрала нож из его пальцев, положила на стол и увлекла Игоря за собой в спальню. Там, в полумраке сентябрьской ночи, она как умела отблагодарила и вознаградила его — за каждую каплю ласки, за фанатичную заботу, за бесконечное внимание и эту осязаемую, непоколебимую преданность.

Её настроение менялось, как погода в марте: то она плакала из-за сущих пустяков вроде порванного носка, то громко, до колик смеялась над самой глупой шуткой. Её вкусы превратились в хаос: она могла с аппетитом есть маринованные огурцы вприкуску с клубничным вареньем, а через час требовать спелое сочное манго и свежую сдобную булочку.

Последний месяц перед родами выдался особенно изматывающим. Елена стала неповоротливой, быстро уставала и злилась на собственное тело. Игорь беспрекословно взял весь быт на себя: сам подстригал ей ногти на ногах, бережно помогал обуваться и одеваться перед выходом на улицу. По ночам она никак не могла найти удобную позу, часами ворочалась в постели с бока на бок, тщетно пытаясь уснуть. Иногда, едва забывшись сном, она среди ночи вскакивала в панике и начинала судорожно носиться по квартире, думая, что начались схватки. Но тревога каждый раз оказывалась ложной.

В середине января она проснулась с совершенно непонятным ощущением. Это было что-то новое, не похожее на прежние капризы организма. Беременность уже перешагнула рубеж в сорок недель. Елена чувствовала себя настоящей наседкой, которая со дня на день, затаив дыхание, ожидает появления на свет своего главного чуда.

— Кажется, началось, — выдохнула она, силясь удержать ровное дыхание.

Игорь взметнулся с кровати, растеряв остатки сна. Его аналитический ум, обычно выдававший безупречные решения за секунды, на мгновение заклинило от этой внезапной, не поддающейся расчётам реальности. Он судорожно хватал ртом воздух, переводя взгляд с бледного лица Елены на заранее собранную сумку у двери.

— Так… План. У нас есть план, — бормотал он, лихорадочно натягивая джинсы. — Время. Сколько минут между схватками? Лен, засекай время.

Елена, несмотря на нарастающую волну боли, слабо улыбнулась его панике. В этот момент её врачебный рационализм парадоксальным образом уступил место абсолютному, первобытному спокойствию роженицы.

В роддом они летели по пустым, залитым предрассветными сумерками улицам. Игорь вцепился в руль до побелевших костяшек, то и дело бросая испуганные взгляды на пассажирское сиденье, где Елена тихо стонала на каждом крутом повороте.

А в снежный, морозный полдень, когда свинцовое небо над городом окончательно разошлось снегопадом, на свет появился Максим.

Игорю позволили войти в родильный зал через несколько минут после того, как всё закончилось. Он шагнул с ватными ногами, чувствуя себя абсолютно беспомощным среди медицинских приборов и незнакомых запахов. Елена лежала на кушетке — измождённая, с огромными, сияющими голубым пламенем глазами, на её лице сияла та самая редкая, детская улыбка, которую он так трепетно оберегал. А на её груди лежал крошечный, красненький сверток, который издавал забавные, похожие на кряхтение звуки.

Игорь подошёл сбоку, бережно взял жену за руку и впервые посмотрел на сына. Внутри него в эту секунду что-то с треском хрустнуло, навсегда меняя его внутреннюю архитектуру. Этот маленький человечек весом три с половиной килограмма, мгновенно стал центром его личной вселенной. Игорь аккуратно протянул указательный палец, и крошечная, сморщенная ладошка Максима тут же рефлекторно обхватила его, сжав с удивительной для младенца силой.

— Привет, Максим, — прошептал Игорь, и его голос, всегда такой твёрдый и уверенный, предательски дрогнул. — Это папа. Теперь всё будет хорошо. Я обещаю.

Первые недели после рождения Максима растворились в бессонных ночах.

Днём Елена иногда забывала, который сегодня день. Ночь перестала быть временем для сна и превратилась в длинную череду кормлений, укачиваний, тихих разговоров и попыток понять, почему ребёнок снова плачет, если его только что покормили, переодели и уложили.

Максим мог заснуть у неё на руках, и Елена ещё долго не решалась переложить его в кроватку. Она сидела неподвижно, чувствуя его тёплое дыхание, боялась пошевелиться и смотрела на маленькое личико, которое постепенно становилось ей знакомым до каждой складочки.

Иногда ей казалось невероятным, что этот человек появился из неё.

Иногда — что она вообще не понимает, что теперь с ним делать.

И именно это пугало её больше всего.

Однажды ночью, когда Максим плакал уже почти час, Елена не выдержала.

— Я не знаю, что ему нужно.

Игорь стоял посреди комнаты, сонный, взъерошенный, и выглядел не менее беспомощным.

— Может, есть хочет?

— Он только ел.

— Тогда живот.

— Я не знаю.

— Может, холодно?

Елена посмотрела на него.

— Игорь, я не знаю.

Последние слова практически прокричала обессиленная мать. Он подошёл к ней. Перехватил сына к себе одной рукой. Второй обнял её.

— Эй. Всё ложись отдыхай. Я покачаю его.

Она отвернулась.

— Я плохая мать.

— Не говори глупости.

— Я даже не понимаю, почему он плачет.

— Я тоже. Но это не делает меня плохим отцом. Он просто слишком крошечный и не умеет говорить. Не переживай!

Несколько секунд она смотрела на него, а потом неожиданно рассмеялась. Смех быстро перешёл в плач — нервное напряжение последних месяцев наконец нашло выход. Максим постепенно затих на широкой груди Игоря, убаюканный его спокойным сердцебиением. Лена лежала рядом, глаза слипались, она постепенно провалилась в тревожный сон. А Игорь охранял покой свои двух самых дорогих людей в мире.

После этой ночи легче не стало. Но Елена перестала изводить себя мыслью, что обязана знать абсолютно всё и быть безупречным роботом. Она училась быть просто мамой — живой, ошибающейся, чувствующей. Старалась не забывать про мужа, его потребности и ту опору, которую он ей давал. Но при этом совершенно, напрочь забывала про себя.

Она почти незаметно для себя растворилась в жизни ребёнка. Максим с каждым днём менялся, развивался и становился всё больше похожим на осознанного маленького человечка. Елена обожала его. Всегда. Безраздельно и преданно. В те минуты, когда он надрывно кричал от коликов и не желал успокаиваться, несмотря на все её старания. Когда он забавно кривил губы, пытаясь выдать свою первую несмелую улыбку. А когда в четыре месяца он впервые залился таким чистым и звонким смехом, Елена просто растаяла и окончательно пропала. Она до безумия, до щемящей боли в груди любила своего сына. Часами разглядывала его крохотное личико, тонкие пальчики и пушок на макушке, тщетно пытаясь разгадать генетический шифр: на кого же из них двоих он всё-таки похож больше?

Училась различать его плач, привыкала к тому, как он засыпает только после того, как несколько минут держишь его на руках, запоминала выражение его лица перед улыбкой. Учи-

лась кормить его одной рукой, а другой одновременно пытаться налить себе чай. Училась принимать помощь.

Игорь тоже учился. Он сначала боялся брать сына на руки, будто тот был сделан из тонкого стекла. Потом освоился и однажды заявил, что Максим уже явно предпочитает его.

— Конечно, — ответила Елена. — Особенно ночью.

— Почему?

— Потому что ночью ты храпишь, и ему, наверное, нравится.

— Я не храплю.

— Ты храпишь.

— Нет.

— Максим подтвердит.

Максим в этот момент лежал на диване и совершенно не интересовался их спором.

Игорь посмотрел на сына.

— Предатель.

Елена рассмеялась.

Такие разговоры возвращали ей ощущение прежней жизни.

Потому что первые месяцы материнства иногда казались ей не только счастливыми, но и бесконечными. Она любила Максима так сильно, что от этой любви иногда становилось страшно. Ей хотелось постоянно проверять, дышит ли он во сне, не холодные ли у него руки, не слишком ли тихо он лежит.

Она могла проснуться ночью, подойти к кроватке и просто постоять рядом.

Игорь однажды спросил:

— Ты чего?

— Ничего.

— Опять проверяешь?

Она кивнула.

— Он спит.

— Я знаю.

— Тогда иди обратно.

— Сейчас.

Она ещё немного постояла.

— Игорь?

— Что?

— А вдруг с ним что-нибудь случится?

Он подошёл и встал рядом.

— Не случится.

— Ты не можешь этого знать.

Он помолчал.

— Не могу.

Елена посмотрела на него.

— Вот именно.

Игорь взял её за руку.

— Но мы будем рядом.

Она кивнула. Это было единственное обещание, которое он мог ей дать.

Так продолжалось долгие два года. Два года, которые замкнулись в один неразрывный круг: только дом, только муж, только сын. Елена целиком посвятила себя Максиму. Она водила его на развивающие кружки, плавание в бассейн, часами пропадала на игровых площадках и без устали придумывала новые игры дома. Материнский инстинкт вытеснил из её жизни всё остальное.

Но однажды эта размеренная идиллия едва не обернулась катастрофой.

Максим увлечённо играл на ковре в гостиной, когда коварная пластиковая бусинка, случайно упущенная во время уборки, оказалась у него во рту. Малыш нечаянно проглотил её и в ту же секунду начал задыхаться, судорожно хватая ртом воздух; лицо его на глазах синело. Игорь был ещё на работе. Елена же отошла всего на несколько мгновений.

Елена впервые в жизни ощутила такой дикий, первобытный ужас, от которого у неё самой перехватило дыхание. Собственное сердце словно замерло. На долю секунды её охватил ступор, но врачебная реакция сработала быстрее паники. Она мгновенно бросилась к сыну, опустила его лицом вниз на своё колено и решительно просунула тонкие пальцы ему в рот. Сделав точный, выверенный толчок под лопатки, она сумела выбить проклятую бусинку наружу. Пленённый пластиковый шарик со звонким стуком покатился по паркету.

Максим хрипло разрыдался, жадно глотая воздух. Елена, содрогаясь от подступивших слёз, крепко прижала сына к себе. Она опустилась прямо на пол и не выпускала притихшего, испуганного Максима из рук до самого прихода мужа, содрогаясь от мысли, насколько близко они только что подошли к непоправимому. Игорь потом долго утешал её…

И пока Максим рос, они постепенно, слой за слоем, забывали, какими они были до его появления. Прошлое стиралось. Теперь казалось, будто именно так — с вечными игрушками на ковре, резким детским плачем среди ночи, разбросанными пелёнками и тремя кружками на кухонном столе — их вселенная существовала всегда. Они растворились в этой предсказуемости.

Но время не умело останавливаться.

Спустя два с небольшим года этот плотный, безопасный кокон лопнул. Наступил день, когда Елена впервые повела Максима в детский сад.

Вначале всё происходило бережно и медленно, по привычным правилам адаптации. Сына оставляли в группе всего на пару часов, и Елена не успевала даже дойти до дома, как нужно было возвращаться. Но неделя сменялась неделей, время разлуки постепенно увеличивалось, и к теплому, залитому солнцем июлю Максим уже спокойно оставался в саду на целый день.

Именно тогда, посреди знойного лета, Елена окончательно утонула в своём одиночестве.

Она вдруг с пугающей отчётливостью осознала, что за эти долгие годы полностью, без остатка потеряла себя. Прежняя, свободная, радостная жизнь остались в далёком прошлом, а нынешняя реальность без ежеминутной заботы о сыне превратилась в пустыню. Елена банально не знала, за что браться дома. Дни стали бесконечными. Она ожесточённо наводила идеальный порядок, до блеска намывала и без того чистые полы, перебирала вещи в шкафах, но внутри, под рёбрами, невольно и настойчиво щепало от сосущей пустоты.

Она больше не понимала, кто она, если не кормит, не баюкает и не качает Максима. Не бегает с ним по горкам и не купается в бассейне. Даже рядом с Игорем она чувствовала себя чужой.

И тогда, устав от гнетущего молчания пустой квартиры, Елена приняла твёрдое решение вернуться на смены в клинику. График «два через два» казался идеальным, безопасным режимом. Это был её личный компромисс — способ вернуться к истокам и одновременно получить законное время, чтобы наконец-то побыть собой, собрать по кусочкам собственную личность и заново научиться дышать. Она надеялась, что это вернёт ей прежнюю устойчивость, не подозревая, что именно этот шаг запустит обратный отсчёт.

Часть вторая. Марина

Глава 6. Марина. Капризный телефон.

Сентябрь.

Марина стояла у кухонного окна и смотрела, как Антон во дворе уже десять минут пытается припарковать машину на свободное место. Он сдавал назад, останавливался, снова выезжал, потом высовывался из окна и оценивал расстояние до соседнего бампера.

Марина наблюдала за ним, улыбаясь. Телефон лежал рядом на столе. Она набрала короткое сообщение:

«Ты собираешься там ночевать?»

Ответ пришёл почти сразу:

«Я паркуюсь».

Марина снова взглянула во двор. Антон опять сдал вперёд. Она написала:

«Я вижу».

Через несколько секунд прилетело:

«Тогда не мешай».

Она тихо рассмеялась. Именно за это она его и любила — за способность совершенно серьёзно спорить с человеком, который находится на третьем этаже и наблюдает за ним через стекло.

Через минуту внизу хлопнула дверь подъезда.

Марина отошла от окна, привычным движением щелкнула кнопкой чайника и достала из духовки ужин, от которого по кухне сразу поплыл умопомрачительный аромат запечённого мяса с травами.

Когда Антон вошёл, он первым делом небрежно скинул куртку прямо на крючок, даже не заботясь о том, ровно ли она висит, и мгновенно оказался рядом. Подкрался сзади, обдавая её свежим воздухом с улицы, и уткнулся носом в её шею, протягивая букет из кленовых листьев. Марина опрокинула голову назад и поцеловала его в щеку. Затем уткнулась носом в прощание осени.

— Спасибо! – прошептала она. Выпуталась из объятий и поставила букет в вазу. – Садись за стол. Ужин готов.

— Это замечательно. Потому что я чёртовски голоден.

— Я заметила по твоим манёврам во дворе, — отозвалась она, не поворачиваясь.

— Запах стоит бомбический.

Антон собственнически обнял её за талию, прижимая к себе, и в его голосе зазвучали искристые, тёплые ноты. С ним в квартиру всегда врывался какой-то южный, солнечный вихрь, напрочь выметающий скуку.

— Я приготовила новое блюдо. Пробуй! – и Марина подала ему тарелку с печёным картофелем и кусочком мяса под сырно-ореховой корочкой. Сверху лежала веточка розмарина, а на краю покоился кусочек лимона. Выглядело все эстетически красиво и волшебно.

— Знаешь, ты определенно можешь работать поваром и не нужно будет торчать двое суток в клинике.

— Спасибо за доверия! Но меня устраивает работа врачом. А повар – это для души. Всё кончай болтать. Ешь! – почти приказным тоном произнесла она.

Антон сладостно промурлыкал:

— Я безумно люблю тебя, Марина.

Марина улыбнулась. Иногда она смотрела на него, и сама не понимала, как этот человек оказался в её жизни. Как сумел так незаметно проникнуть туда, куда она никого не пускала, и почему рядом с ним ей впервые за долгое время не приходилось следить за каждым движением.

С Антоном она могла быть разной. Уставшей, раздражённой, слишком громкой, молчаливой, нежной, смешной. Ей не нужно было постоянно соответствовать чьим-то ожиданиям. Не нужно было изображать женщину, у которой всё под контролем.

Они прожили вместе три года, но Антон всё ещё иногда смотрел на неё так, словно не мог до конца поверить, что она действительно однажды ворвалась в его жизнь.

Когда он думал, что она не видит, мог просто остановиться в дверях комнаты и несколько секунд наблюдать за ней. Не говорил ничего, не подходил. Просто смотрел, запоминая её профиль, взмах ресниц, наклон головы.

***

Шесть лет назад

Они познакомились шесть лет назад. Это было зимой, в один из тех промозглых, ветреных дней, когда город кутался в колючую снежную крупу, а сумерки опускались на улицы слишком рано.

В тот день Марина была не в настроении разговаривать. Ей вообще не хотелось никого видеть, и уж тем более — улыбаться, вежливо отвечать на вопросы и делать вид, будто в её жизни всё в полном порядке. Она сидела одна в глубине небольшого кафе у окна, медленно размешивая ложечкой давно остывший кофе. Она смотрела сквозь стекло на серый вечерний свет и бегущих прохожих так, словно надеялась, что там, среди этой уличной суеты, найдётся какая-нибудь причина хотя бы на несколько минут перестать думать о том, что причиняло невыносимую боль.

Антон зашёл в кафе просто на обед. Никаких встреч, знакомств. Ничего не планировалось. Пока он стоял в очереди устало блуждал взглядом по посетителям и вдруг замер. Его парализовало. Тело напряглось, глаза нельзя было оторвать от этой странной глубоко печальной девушки. Изгиб её спины, горький изгиб спины, блестящие от соленой влаги глаза.

— Молодой человек, что вы будете брать? – девушка за кассой уже пару минут пыталась вернуть его к реальности.

— А… что? Простите!

— Что вы будете брать?

— Да, простите. Мне ланч номер два, пожалуйста.

— Хорошо. Следующий….

Антон отошёл в сторону и снова взметнул глаза в сторону посетительницы. Она безэмоционально откусывала кусочек пирожного и машинально отправляла его в рот, затем таким же движением отпивала напиток. Ему подали ланч, и он подошёл к соседнему столику. Поставил свою еду, но не притронулся. Внутри бушевал ураган из мыслей и дальнейших действий. Ему вдруг стало невыносимо больно видеть такую симпатичную девушку в подавленном настроении.

— Простите, — сказал он, сделав шаг навстречу судьбе. — У вас случайно не осталось инструкции, как правильно пользоваться этой штукой?

Марина скользнула взглядом по его руке. В его ладони лежал обыкновенный смартфон.

— Какой штукой?

— Телефоном. Я уже минут десять пытаюсь понять, почему он наотрез отказывается делать то, что я от него требую.

Она посмотрела на него странным взглядом, будто он умалишённый и глубоко вздохнула. Антон понял, что теряет её.

— А ещё он тянет меня к вам. Говорит нужно подойти, будто только вы сможете вернуть его к жизни.

Марина слегка улыбнулась. Напряжение в плечах немного спало.

— Может, потому что у него хороший вкус? Или вы плохо с ним разговариваете, - она включилась в эту дурацкую игру с парнем.

— Исключено. Я разговариваю с ним уважительно, на «вы».

— И что же конкретно вы ему сказали?

Антон с укоризной посмотрел на сияющий экран:

— Я сказал: «Позвони». Он не позвонил. Потом сказал: «Ну давай, приятель». Тоже проигнорировал. Теперь мы оба глубоко обижены друг на друга и держим дистанцию.

И Марина тихо рассмеялась. Совсем немного. Скорее, шумно выдохнула накопившуюся усталость вместе со смехом.

Антон посмотрел на её изменившееся лицо и улыбнулся так тепло и открыто, будто только этого — этой короткой улыбки незнакомой грустной девушки — и добивался от всего мира.

— Ну вот, уже гораздо лучше. Жизнь возвращается.

— Что лучше? — она приподняла бровь, стараясь вернуть лицу привычную строгость.

— Вы улыбнулись, — просто ответил он.

Марина тут же сбросила улыбку, словно её поймали на чём-то недозволенном.

— И что из этого?

— Ничего особенного. Просто я теперь твёрдо знаю, что операция по спасению вашего дня проходит успешно. Нам удалось пробить первую линию обороны.

Она покачала головой, чувствуя, как её защитные барьеры стремительно тают под натиском его абсурдного обаяния.

— Вы всегда так разговариваете с незнакомыми людьми?

— Нет. Только с теми, кто сидит у окна с таким видом, будто прямо сейчас собирается броситься под грузовик.

— Я вовсе не собираюсь бросаться под грузовик, — Марина даже растерялась от такой прямоты. — Зачем мне это?

— Не знаю, — Антон безмятежно пожал плечами. — Но выражение вашего лица упрямо утверждало обратное.

На этот раз она засмеялась громче — звонко, неожиданно даже для самой себя. Марина неловко прикрыла рот ладонью. Впервые за долгое время она физически почувствовала, как внутри, в груди, становится немного легче. Нет, причина её затяжной печали никуда не делась. Проблема осталась прежней, неподъёмной и острой. Но сейчас она просто на несколько минут перестала быть единственным существующим обстоятельством на всём белом свете. Антон разбавил этот концентрированный тупик своим присутствием.

Он не стал допытываться, почему она грустит. И именно это ей тогда безоговорочно понравилось.

Он не требовал вообще ничего. Он просто без спроса присел на стул напротив и принялся с азартом рассказывать совершенно нелепую историю о том, как сегодня утром умудрился выйти из дома в разных носках — один был ярко-красным, а второй серым в строгую полоску, — а заметил это недоразумение только в офисе, когда коллеги уже вовсю угорали над его новым корпоративным стилем.

Марина смеялась всё сильнее, ловя себя на мысли, что этот молодой мужчина напротив транслирует какую-то невероятную, чистую радость жизни. Он бросил взгляд на свой молчаливый и непослушный смартфон, понял, что время обеда уже давно прошло. Но оставлять эту девушку вовсе не хотелось. Он на молекулярном уровне чувствовал связь с ней. Поэтому просто решил остаться.

Когда они наконец вышли из кафе, налетевшая метель уже утихла. На улице пахло свежим морозным воздухом. Они ещё немного потоптались у входа под мигающей вывеской, не особенно понимая, почему медлят и не расходятся по своим обособленным жизням.

Наконец Антон нарушил заминку и мягко спросил её имя.

— Марина.

— Антон.

Он открыто протянул ей широкую ладонь без перчатки. Она на секунду замешкалась, а затем уверенно пожала её, чувствуя, как от его пальцев исходит живое, успокаивающее тепло.

Обычное знакомство. Ничего такого, что можно было бы запомнить, как начало большой истории. Он шутливо попросил её номер, добавив, что его капризный телефон наверняка сменит гнев на милость и включится, если получит заветные цифры этой барышни. Она с улыбкой на губах ответила, что не раздаёт контакты первому встречному. Но если он действительно хочет её увидеть, то может найти её в этом же кафе завтра в это же время. Антон, не задумываясь, согласился.

На следующий день он преданно прождал её за тем же столиком, внутренне паникуя, что она не придёт и мир снова наказывает его, лишая общества очаровательной девушки. Но она появилась. И в конце вечера всё же продиктовала свой номер.

А потом началась история, которую ни один из них не планировал.

Именно поэтому она так быстро стала настоящей.

Глава 7. Антон. Технический этаж.

Шесть лет назад.

Вот уже девять дней они встречались каждый вечер. Гуляли по городу, сидели в уютных кафе за угловым столиком и болтали о пустяках.

Марина не планировала ничего серьёзного. Приятное знакомство, разговоры ни о чём. Ей становилось легче после шуток Антона. Его нелепого чувства юмора. Его открытой и чарующей улыбки. Его горячих пальцев, переплетающихся с её холодными. Постепенно она забывала о существующих проблемах, о боли, о том, что её ждёт дальше. Рядом с ним она просто жила и дышала полной грудью.

На десятое свидания Антон предложил встретиться в центре: вначале они недолго посидели в неприметном полупустом кафе, а после — спонтанно, поддавшись его мальчишескому порыву, — купили билеты на поздний киносеанс.

В полумраке зрительного зала они, словно испуганные подростки, забрались на самый последний ряд. Марина сидела в явном, почти осязаемом напряжении. Спина была натянута как струна, а внутри всё замерло в ожидании — куда, в какую бездну приведёт её этот вечер?

Она буквально кожей чувствовала исходящий от Антона ток. Когда на экране сменился кадр, его пальцы резко, требовательно обхватили её ладонь, и Марину прошила горячая дрожь. Под коленками приятно, сладостно засосало. Антон наклонился ближе, обжигая ухо горячим дыханием, и зашептал свои нелепые догадки по поводу сюжета фильма, но Марина уже не слышала ни единого слова. Внутри всё переворачивалось от поступившего слепого желания.

Она совершенно не понимала, как поступить дальше. Разум отчаянно сигнализировал об опасности. Не стоило соглашаться на свидания. А в голове вспыхивали одна за другой картины безумной, сокрушительной близости.

После кинотеатра они не стали спускаться к выходу. По притихшему торговому центру гулом отзывались их шаги и смех. Антон крепче перехватил её запястье, затем повинуясь инстинкту, развернул и накрыл её губы глубоким, страстным поцелуем. Он мечтал об этом с первой секунды, с первого взгляда. И вот теперь здесь в этом оглушительном месте чувства вырвались наружу без предупреждения.

— Марина, ты невероятная… Такая притягательная… - шептал он ей между поцелуями.

А после без прелюдий и нелепых признаний, он потащил её к лестничному проёму. Всё решилось в одну секунду, на уровне взглядов и какого-то дикого, животного притяжения, которое копилось все эти десять встреч.

Они оказались на безлюдной лестничной клетке технического этажа, освещённой лишь тусклой дежурной лампой. Дверь со звонким щелчком закрылась, отрезая их от остального мира.

Это было чистое сумасшествие, совершенно не свойственное взрослым людям. Антон впечатал её спиной в прохладную бетонную стену, и Марина судорожно выдохнула, когда его губы с яростной жадностью накрыли её рот. Её обдало такой мощной волной сексуального влечения, что колени мгновенно подогнулись. Она сильнее обхватила его шею руками, чтобы не упасть в кромешный ад прямо здесь. Разум выключился. Горели лишь чувства.

Одежда мешала. Антон аккуратно расстегнул её пальто, скинул вниз, затем тёплый свитер, после руки скользнули по её телу, отзывающемуся сотнями мурашек. Она трепетала. Хватала ртом холодный воздух. Марина отдалась стихии и не думала о том, как это выглядит со стороны, не взвешивала риски и не просчитывала последствия. Рядом с Антоном она чувствовала себя невероятно свободной, живой и настоящей женщиной.

Когда его горячие ладони обхватили её обнажённую грудь, губы касались шеи, внутри взорвался вулкан страсти. Она выгнулась ему навстречу. Её руки изучали его крепкое тело.

Под плотной водолазкой билось громко сердце. Марина сама рванула на себя замок его брюк, ощущая под пальцами мощь его плоти. Чувства вытеснили страх, безумие завладело их телами. И он развернул её лицом к стене, вошёл в неё единым, сильным толчком, заставив Марину громко, не сдерживаясь, вскрикнуть. Эхо от её стона взметнулось вверх по бетонному пролёту.

Это была быстрая, острая, почти ослепляющая близость без правил. Каждое его движение отзывалось в теле электрическим разрядом, выжигая дотла все её прошлые страхи и условности. Она уперлась горячими ладонями в холодную стену и выгибалась ему навстречу, требовала ещё, стонала так отчаянно и громко. Ей до боли в груди хотелось вновь чувствовать себя настоящей, сексуальной и желанной женщиной. Антон двигался в быстром ритме, полностью растворяясь в её теле, разрываясь от её внезапной, дикой страсти.

Наконец мир вокруг них окончательно перестал существовать. Антон сжал её волнующее и дрожащее тело в кольце своих рук.

Когда дыхание и пульс пришли в норму, они оделись и спустились в январскую, морозную ночь. Антон проводил Марину до дома, нежно поцеловал и растворился в метели. Она же дома упала на кровать и залилась отчаянными слезами. Это безумие всё усложнило.

А дальше она не смогла сказать ему прощай, не смогла разбить своё сердце. Так началась их история падения в пропасть без страховки и обещаний.

Через две недели они впервые оказались в его квартире после очередного свидания, двигались навстречу друг другу, прерывая поцелуи тихими словами, смехом, короткими признаниями, которые не успевали стать полноценными фразами. Марина чувствовала, как исчезает расстояние между ними, как напряжение, накопившееся за последние недели её изматывающей жизни, превращается в слепое желание быть ближе, не объясняя и не оправдываясь.

На несколько часов она позволила себе существовать только в настоящем — в тёплых руках Антона, в его голосе, в осторожности, с которой он каждый раз смотрел ей в глаза, будто спрашивал разрешения остаться рядом.

Позже они лежали в нежных объятиях друг друга в полумраке спальни. Марина положила голову ему на плечо и слушала, как постепенно успокаивается его дыхание. За окном проехала машина, на стене дрогнул свет фар, и комната снова стала обыкновенной: кровать, смятая простыня, брошенная на кресло одежда. Но сама Марина уже не чувствовала себя прежней.

— О чём думаешь? — спросил Антон, лениво перебирая её волосы.

Она провела пальцем по его ладони, очерчивая линии.

— О том, что сегодня я была совершенно безумной.

— Сегодня? — в его голосе промелькнула тёплая, беззащитная улыбка.

Марина рассмеялась и слегка толкнула его плечом:

— Не порть момент.

Он повернулся к ней, вглядываясь в её лицо в сизых сумерках:

— Я не хочу его портить.

— Тогда не задавай вопросов.

— Хорошо.

Антон помолчал, а потом тихо, свинцово-уверенно сказал:

— Останься у меня. С концами. Переезжай ко мне, Марин. Прямо сейчас.

Марина замерла, и сердце её пропустило удар. Воспаленный разум мгновенно выстроил перед глазами картину её жизни, но тело, всё ещё хранившее тепло Антона, выбрало свободу.

— Я останусь, — прошептала она в его горячую шею. — Но у меня сложная работа в больнице. Смены. Два через два.

— Плевать, — выдохнул он, снова прижимая её к себе. — Мне важно видеть тебя в своей жизни. А по каким дням без разницы. Я не могу тебя потерять, Марина. Это глупо?

— Нет. Это жизнь.

Их совместная жизнь, начавшаяся так стремительно на исходе второй недели знакомства, напоминала затяжной прыжок без парашюта. Антон легко принял её причудливый график смен «два через два», и Марина буквально растворилась в этой новой, пугающе свободной реальности. Каждые два дня, возвращаясь в его квартиру, она словно сбрасывала с себя невидимый защитный панцирь.

Антон не спрашивал, почему иногда она внезапно становилась задумчивой. Не требовал рассказывать о прошлом в подробностях. Если она закрывалась, он не ломился внутрь, а просто оставался рядом. Иногда этого было достаточно, чтобы она сама начинала говорить — о каких-то нелепых пустяках, за которыми прятала тень в своих глазах.

Однажды она сказала ему, что чувствует себя настоящей рядом с ним. Антон не стал уточнять, что именно она вкладывает в это слово. Только взял её за руку и переплёл пальцы в единое целое. И Марина тогда поверила, что одного этого жеста может быть достаточно, чтобы спастись.

Она положила другую ладонь ему на грудь. Под тонкой тканью рубашки чувствовалось быстрое, неровное сердцебиение, и это открытие почему-то тронуло её сильнее, чем любые громкие признания. Антон, который всегда казался ей уверенным, лёгким, способным превратить любую неловкость в шутку, сейчас тоже был растерян. Не беспомощен — просто так же сильно захвачен тем, что происходило между ними.

Глава 8. Марина. Прыжок с парашютом.

Шесть лет назад, весна.

Однажды весенним днём, когда у Марины был законный выходной, Антон вернулся домой посреди рабочего дня. Он бесшумно приоткрыл дверь в комнату, со шпионским видом подмигнул ей и произнёс совершенно таинственным, заговорщическим вкупе с напускной строгостью голосом:

— Так. Нет времени объяснять. Срочно одевайся! Готовность пять минут.

Марина, отложив ноутбук, удивлённо приподняла бровь:

— Что ты снова задумал?

— Тс-с… Не здесь. Нас могут слушать, — Антон комично прижал указательный палец к губам и прищурился.

Она лишь весело покачала головой, но подчинилась этой его мальчишеской, бьющей через край энергии. Уже через пару минут, садясь на переднее пассажирское сиденье его машины, Марина с улыбкой предупредила:

— Если это опять твой новый секретный ресторан, то я не голодна.

— Я разве сказал, что это как-то связано с едой? — Антон плавно выкрутил руль, выезжая со двора.

— Тогда почему у тебя такой подозрительно довольный вид?

— Потому что я в очередной раз спасаю тебя от скуки.

Он привёз её в парк аттракционов. Над дорожками мерцали разноцветные лампы, из динамиков доносилась современная музыка с лёгким металлическим эхом, а за ограждениями медленно вращались огромные кабинки, в которых редкие люди поднимались над верхушками деревьев и крышами близлежащих домов.

Марина остановилась перед самым высоким аттракционом и посмотрела вверх, на сияющее колесо обозрения, сквозь кабины которого проникали солнечные лучи, наполняя мир вокруг радужными красками и обещанием скорого тепла.

— Нет. Даже не думай.

— Ты ведь ещё даже не знаешь, что я предложу.

— Я знаю это по твоей хитрой физиономии.

— А если я скажу, что оттуда открывается прекрасный вид на весь город?

— Я скажу, что прекрасный вид можно отлично рассмотреть и с земли. Желательно с той её части, на которую я гарантированно не упаду.

Антон засмеялся, но не стал настаивать. Он просто встал рядом, засунув руки в карманы, и посмотрел на неё с тем выражением, которое Марина уже научилась узнавать: ему хотелось, чтобы она сама согласилась, но он не собирался толкать её к этому решению.

И именно поэтому она через минуту вздохнула и сказала:

— Ладно. Только если я умру, ты будешь в этом виноват и тебе придётся жить с этим знанием все твои семьдесят лет.

— Конечно. Скажу, что ты погибла героически.

— От страха?

— От чрезмерной красоты окружающего мира.

— Антон, ты ужасный человек.

— Но ты всё равно здесь со мной.

— Да, куда же я от тебя денусь.

Марина взяла его за руку и повела на Колесо обозрения. Они заняли места в уютной кабинке. Антон прижал её к себе, мягко поцеловал в губы.

— Я так счастлив, Марина…

— Знаю, но учти, что твоё счастье может закончиться через сто тридцать четыре секунды.

— Откуда такие познания?

— Именно столько требуется до поднятия наверх.

— Ты удивительная. Я не мог не влюбиться в тебя, - признания свободно слетело с его губ. Она подняла голубые глаза и в упор уставилась на него.

— Влюбился?!

— Да. Смотри, - и Антон показал Марине на весь город, что дребезжал под их ногами. – Когда-нибудь я подарю тебе целый мир. А пока только этот город. Красиво же?

Марина перевела взгляд с желанного мужчины на красоту за окном кабинки и обомлела. Внизу в солнечных лучах сияли дома, деревья, кто-то куда-то ехал, кто-то торопливо бежал, ускорив шаг. А они была в каком-то своем странном счастливом мире. И ей ни за что не хотелось из него ускользать.

— Спасибо, - прошептала она, продолжая любоваться этой красотой и понимая всю сокрушительную силу, зарождающихся внутри неё чувств, всю глубину своей неминуемой гибели. В глазах застыли слёзы от этого осознания.

— Эй, ты чего? – нежные пальцы коснулись её глаз, затем трепетно повернули голову и она, не выдержав внутреннего напряжения уткнулась в его плечо. - Марина…

— Всё нормально, это действительно шокирующе прекрасно.

После колеса обозрения Марине отчаянно захотелось выбросить из головы все спутанные мысли, хотелось почувствовать опасность, риск на губах. И она выбрала другие экстремальные аттракционы.

— А теперь на американские горки, — Марина порывисто схватила его за руку, увлекая за собой к сияющим неоном рельсам, которые крутой петлей уходили в весеннее небо.

Ей нравилось, что Антон не пытался сделать её хрупкой, не говорил, что ей не стоит рисковать, не смотрел на неё как на человека, которого необходимо постоянно оберегать от самой себя. Он просто был рядом и верил, что она знает, чего хочет.

Это был оглушительный, спасительный контраст со всей её остальной, тщательно упорядоченной жизнью, где каждый её шаг был заранее просчитан, защищен и упакован. Антон же возвращал ей право на собственное безумие. С ним можно было не думать о последствиях, а просто наслаждаться жизнью.

Они посетили все опасные аттракционы, а у Марины от крика и смеха пересохло в горле. Вечером они отправились на ужин в маленькое уютное кафе, то самое, где познакомились. Ей нравились здесь десерты и горячий шоколад. А ему любоваться самой очаровательной женщиной на свете.

Домой они вернулись поздним вечером, промокшие от внезапно набежавшего весеннего дождя, пахнущие ветром и сладкой ватой. Сбрасывая мокрую одежду в прихожей, они озорно смеялись, путаясь вновь друг в друге. Срываясь на опрометчивые поцелуи и наполняясь всепоглощающей страстью и любовью.

А через три недели Антон поднял планку их общего безумия ещё выше.

Идея с парашютами возникла так же спонтанно, как и всё, что он делал. Марина до последнего момента уверяла, что он сумасшедший, она ни за что не шагнёт в открытую дверь самолета и это её последнее слово. Но когда они оказались на лётном поле под ослепительным солнцем, пути назад уже не было.

Их застегнули в тяжелые подвесные системы. Антон, заметив, как побледнели её губы, не стал читать лекций и успокаивать. Он просто подошел, крепко переплел свои пальцы с её прохладными пальцами и негромко произнес прямо в гудящий от турбин воздух:

— Нас выпустят в паре. Я буду лететь сразу за тобой. Слышишь?

Марина кивнула, чувствуя, как под коленками снова сладостно и жутко засасывает.

Когда самолет набрал положенную высоту, и тяжелая дверь с грохотом ушла вбок, открывая бездонную, сине-зеленую бездну, ветер яростно ударил ей в лицо. Город внизу казался крошечным макетом, расчерченным на идеальные квадраты.

— Шаг, Марина! — крикнул инструктор над её ухом.

Она зажмурилась, сделала этот выдох и сорвалась вниз, в пустоту.

Ветер бил в лицо. В ушах гремел воздух. Антон был рядом, летел чуть позади, и на короткое мгновение всё, что существовало до этого дня, отступило куда-то далеко: тревоги, ожидания, несказанные разговоры, чужие вопросы, на которые она не хотела отвечать. Осталось только это невероятное чувство — будто мир больше не держал её за плечи и впервые позволил самой выбрать направление.

После приземления она бросилась к Антону, обхватила его руками за шею и расхохоталась. Он подхватил её, закружил, и они оба едва не потеряли равновесие.

— Я тебя ненавижу, — прошептала Марина, уткнувшись лицом ему в плечо.

— Я тоже тебя люблю.

Она отстранилась и посмотрела на него.

— Ты всегда отвечаешь невпопад?

— Только когда очень счастлив.

А потом они сорвались в другую, обжигающую, будоражащую до кончиков пальцев ног бездну, снова и снова отдаваясь этому чувству до последней капли.

Глава 9. Антон. Разрыв.

Шесть лет назад. Лето.

С Антоном Марина впервые за долгое время перестала ежеминутно следить за собой. Не в том смысле, что она забросила внешность или позволяла себе выглядеть небрежно, а в том, что рядом с ним ей больше не приходилось каждую секунду проверять собственные чувства, взвешивать слова и заранее угадывать, как её поступок будет выглядеть со стороны.

Она могла внезапно затормозить посреди оживлённой улицы, чтобы купить у уличного торговца горячую кукурузу, могла потащить его в незнакомый тёмный двор просто потому, что оттуда доносилась старая музыка, могла рассмеяться в самый неподходящий момент и не пытаться тут же вернуть лицу привычное спокойное выражение. Могла на чистых, ничем не сдерживаемых инстинктах затащить его на заброшенный технический чердак и заняться там сокрушительной, острой любовью до умопомрачения — без правил, без защиты.

Антон никогда не обещал ей вечного счастья. Он вообще терпеть не мог произносить громкие, пафосные слова, за которыми потом приходилось бы нести ответственность. Вместо этого он просто всегда оказывался рядом — с двумя стаканами обжигающего кофе, с билетом на последний сеанс в кино или с очередной нелепой идеей, которую невозможно было объяснить разумно, но почему-то очень хотелось осуществить.

Они жили по странному, придуманному ими самими ритму — два дня вместе, два дня порознь. Когда Марина возвращалась после смены, Антон встречал её у двери, иногда сонный, иногда с приготовленным завтраком, иногда с таким выражением лица, будто за время её отсутствия успел совершить нечто совершенно выдающееся, хотя на самом деле всего лишь забыл купить хлеб. Она смеялась, обнимала его и чувствовала, как усталость постепенно отступает. Рядом с ним ей не приходилось собирать себя по частям. Она могла быть молчаливой, капризной, слишком громкой, неожиданно нежной или совершенно безрассудной — и всё равно оставалась желанной.

Антон научился различать её настроение по мелочам. По тому, как она бросала ключи на тумбу. По тому, как долго стояла перед открытым холодильником. По тому, смеялась ли она над его шутками или только качала головой, делая вид, что давно привыкла к его глупостям. Он замечал, как постепенно исчезает тень из её взгляда.

В тот день Антон услышал, как повернулся ключ в замке, и из комнаты крикнул, что приготовил ужин, но случайно пересолил соус и теперь им обоим придётся делать вид, будто так и было задумано. Обычно она уже на этих словах начинала смеяться, бросала сумку в прихожей и отвечала, что он просто пытается заранее оправдать собственную кулинарную бездарность.

Но сегодня она ничего не сказала.

Антон вышел из комнаты и замер в коридоре. Марина стояла у двери, все ещё сжимая в руке связку ключей. На её лице не было привычной усталости после смены — оно казалось неестественно неподвижным, бледным и собранным, словно она очень долго держала внутри какую-то тяжелую мысль и теперь смертельно боялась, что малейшее лишнее движение выпустит её наружу. В её глазах, лишенных прежнего живого блеска, снова застыла та самая глубокая, свинцовая печаль, которую он когда-то разглядел на дне остывшей чашки кофе в их самую первую встречу.

— Что случилось, Марин? — спросил он, и его голос против воли прозвучал напряженнее обычного.

Она медленно опустила руку, и ключи с сухим, зловещим стуком упали на тумбочку. Марина подняла на него взгляд, выпалила всё сразу прямо, по живому:

— Антон... Мне предложили стажировку за границей. И я уезжаю. Через два дня.

Антон не ответил сразу. Он смотрел на неё, ожидая продолжения, аргументов, хотя бы виноватой улыбки, которая показала бы, что всё это — какая-то странная, дурацкая шутка. Но Марина стояла напротив совершенно серьёзная, обхватив себя руками за плечи, будто ей внезапно стало невыносимо холодно.

— Какую стажировку? — Антон сделал шаг вперёд, силясь удержать голос в привычном ритме.

— Профессиональную. По медицине. Хорошая возможность, Антон, от таких предложений в моём возрасте не отказываются. За них нужно хвататься и не отпускать.

— Куда?

Она назвала страну — далёкую, чужую, отделённую от них тысячами километров.

Антон медленно прошёл на кухню и сел на стул. Внутри у него ещё сохранялось плотное ощущение обычного, летучего вечера: пересоленный соус на плите, её вещи в спальне, планы на следующие выходные. Всё это продолжало существовать, но теперь словно за толстым стеклом, до которого невозможно дотянуться.

— И когда ты узнала? — спросил он, глядя на свои пальцы, лежащие на столе.

— Сегодня.

— А уезжать?

— Через два дня.

Антон провёл ладонью по лицу, пытаясь собрать разлетающиеся мысли. Логика бизнесмена, привыкшая всё раскладывать по полочкам, сейчас капитулировала перед этой абсурдной, выбивающей землю из-под ног скоростью.

— На сколько, Марин?

Марина отвела взгляд к окну, за которым шумел знойный июльский город.

— Я не знаю. Возможно, на несколько месяцев. Может быть… дольше.

— А мы?

Она молчала. И в этом удушающем, горьком молчании Антон услышал ответ, который она ещё не решилась облечь в слова.

— Марина, — сказал он тише, и в его голосе впервые прорезалась опасная, надломленная хрипота. — Ты ведь не просто уезжаешь, да?

Она медленно, едва заметно покачала головой:

— Я не знаю, как всё сложится там. Не хочу загадывать. И не хочу теребить твою душу, разбивать сердце…

— Нет. Не говори так, — Антон резко поднялся, сокращая расстояние между ними. — Ты всё уже решила. Но почему? Я поеду с тобой.

Марина вздрогнула, её голубые глаза панически расширились. Она закрыла глаза и за руку остановила его:

— Ты же знаешь, что не можешь. Тебя не выпустят так просто, у тебя здесь контракты, фирма.

— Я смогу найти способ! — почти крикнул он, и этот крик эхом ударил по кафелю кухни. — Я возьму отпуск, найду временное жильё, закрою фирму, в конце концов! Работа не важнее тебя, слышишь? Если это на несколько месяцев — мы справимся. Мы всё организуем вместе!

Она слушала его, и с каждым его горячим, честным словом внутри неё словно проворачивался ржавый нож. Он строил планы на будущее, которое она своими руками закрыла ещё в мае. Ей хотелось, чтобы он разозлился. Чтобы начал швырять посуду, обвинять её в предательстве, требовать объяснений. Почему ему нельзя с ней? Требовал раскрыть все карты. Но он лишь смотрел на неё таким взглядом, от которого хотелось сбежать немедленно или разрыдаться.

— Я должна ехать одна, — отчеканила Марина, и этот сухой, мёртвый тон дался ей с огромным трудом.

Антон откинулся на спинку стула, внезапно обмякнув.

— Почему?

— Потому что так будет правильно.

— Для кого, Марин? Для тебя или для меня?

Марина не ответила. Горло сдавило спазмом, и она предательски прикусила губу, чтобы не разрыдаться прямо здесь, на пороге их расколотого рая.

Антон медленно встал и отошёл к окну, засунув руки в карманы. На улице ярко светило безжалостное июльское солнце, в стекле мутно отражалась его высокая, напряжённая фигура, а за спиной оставалась женщина, с которой он ещё утром мысленно строил ближайшие годы своей жизни. Он мог бы попросить её остаться. Мог бы запереть дверь, накричать, потребовать объяснить всё до последнего слова. Но Антон, со своим прагматичным и острым умом, слишком хорошо знал: человека невозможно удержать, если тот уже решил уйти.

— Ты меня больше не любишь? — спросил он тихо, не оборачиваясь.

В кухне повисла такая плотная, звенящая тишина, что стало слышно ровное гудение холодильника и далёкий автомобильный гудок с улицы. Марина долго смотрела на его прямую, словно окаменевшую спину. Внутри неё всё кричало от боли, но она заставила свой голос звучать ровно.

— Нет. Люблю.

Она встала и медленно подошла к нему со спины. Между ними оставалось всего несколько шагов, но теперь они казались непреодолимой пропастью. Марина нерешительно протянула руку и едва заметно коснулась его предплечья. Антон не отстранился, хотя и не повернулся к ней сразу.

— Эти месяцы с тобой… они были лучшими в моей жизни, — прошептала она, утыкаясь лбом в его лопатку.

Он судорожно закрыл глаза и резко выдохнул через нос:

— Не говори это так, будто мы уже прощаемся.

— Антон…

— Нет, замолчи. Пожалуйста.

Марина прикусила губу, чувствуя, как горячие слёзы жгут глаза. Ей до безумия хотелось обнять его, вжаться в его тёплое тело, намертво запомнить запах его одежды и кожи. Хотелось закричать, что она не лжёт хотя бы в этом — рядом с ним она действительно была по-настоящему счастлива. Что каждое утро, просыпаясь в этой квартиры, она на несколько блаженных часов напрочь забывала обо всём остальном мире. Он вернул ей смех, безудержную смелость, ощущение собственной молодости и ту живую часть себя, которую она считала похороненной.

Но вся эта огромная, чистая любовь не отменяла того, что она должна была сделать. Отрезанный билет в один конец уже лежал в её сумке. Она приняла это решение ещё в конце мая, каждый день оттягивая этот невыносимый разговор, и вот теперь пришла пора платить по счетам.

— Антон, тебе не нужно меня ждать, — выдавила она из себя, отступая на шаг. — Пожалуйста. Живи. Люби. Не останавливай свою жизнь из-за меня. У меня там будет маленькая зарплата, крошечная съёмная квартирка — и всё. Возможно, через год или два я вернусь. А может, останусь там навсегда. Я не хочу загадывать и ранить твоё сердце.

Он наконец резко повернулся к ней. На его лице застыла такая яростная, концентрированная боль, что Марина едва не отступила назад.

— Ты серьёзно? — Антон горько, пугающе усмехнулся. — Ты говоришь так, будто имеешь полное право решать за меня, как мне жить, кого помнить и кого вычёркивать.

— Нет. Не имею.

— Тогда не проси меня забыть тебя.

Он вновь отвернулся, тяжело оперившись ладонями о подоконник. И это бессильное молчание мужчины было страшнее любого крика. Марина не выдержала. Шагнув вперёд, обняла его сзади, прижалась всем телом и закрыла глаза. Антон замер на секунду, а затем резко развернулся в её кольце и наотмашь стиснул её в своих объятиях. Он держал её так крепко, словно пытался физически удержать, вплавить в себя хотя бы то, что ещё оставалось от их летучего рая. Марина вцепилась пальцами в его футболку и позволила себе заплакать — тихо, беззвучно, утыкаясь ему в шею.

На плите в этот момент шумно выбегал соус и подгорали макароны, но ни один из них не сдвинулся с места.

— Знаешь, — прошептал наконец Антон, тяжело дыша ей в висок и не выпуская её из рук, — давай проведём эти оставшиеся два дня вместе. Без обещаний. Без мыслей о завтрашнем дне. Только ты и я. На работе меня подменят, плевать, потом наверстаю. А пока… я просто хочу быть с тобой. Я люблю тебя, Марина…

Одним стремительным движением Антон выключил плиту, даже не глядя на испорченный ужин, подхватил Марину на руки и понёс её в спальню, будто весь остальной мир перестал существовать.

В спальне было светло. Антон опустил Марину на кровать и некоторое время просто смотрел на неё. Она протянула руку, притянула его к себе, и между ними снова исчезло расстояние.

Они любили друг друга медленно, будто пытались растянуть время, заставить его остановиться. Антон касался её с особенной нежностью, словно запоминал не только тело, но и каждую реакцию, каждый взгляд, каждое движение. Марина отвечала ему с жадностью и одновременно с какой-то отчаянной осторожностью. Ей хотелось раствориться в нём, забыть обо всём, что ожидало за дверью, но где-то глубоко внутри уже жила мысль о расставании, и от неё невозможно было спрятаться даже в самых близких объятиях.

В тот вечер они больше не говорили о стажировке. Не говорили о дороге, документах, будущем и о том, сколько времени может выдержать любовь, если её оставить без надежды. Они просто лежали рядом, переплетя руки, и слушали, как за окном постепенно стихает город.

Весь следующий день они провели на пляже. Погода была прекрасная. Они предпочитали молчать о предстоящем завтра. Этот день был их миром. Последним. Антон искал пути выхода из этой ситуации, он уже готов был сорваться с места поехать за ней в незнакомую страну. Работать нелегально на стройке или ещё где-то. Но её рассудительность возвращала его на место – в этот жаркий день. Прошлое становилось воспоминанием, а будущее – глубоким шрамом на сердце и растоптанной душе.

Ночь они провели крепко прижимаясь друг к другу. Сладко занимаясь любовью под городской шум за окном, а после попытались уснуть. Но сна не было. Тогда она предложила ему пойти бродить по предрассветным улочкам. И он согласился.

Рассвет наступил внезапно — яркий, многообещающий, но для двоих любящих людей он был холодным и равнодушным.

Они вернулись опустошённые и потухшие. В её глаза мелькала грусть. Та самая, когда ты не можешь никаким способом повлиять на свою судьбу. Порой ей казалось, что можно остаться. Раскрыть все карты. И вместе найти решения.

— Марина, я прошу тебя в последний раз, — он схватил её за плечи, и она почувствовала, как крупно дрожат его пальцы. — Посмотри на меня! Плевать на контракты, плевать на правила. Давай я поеду с тобой? Я найду способ. Я буду грузчиком работать, кем угодно, просто буду варить тебе кофе по утрам. Не бросай меня в этой пустоте. Я не вынесу твой уход, слышишь?

В горле Марины встал раскалённый ком. Она знала: если скажет правду, это уничтожит его ещё страшнее. Она должна была стать для него бездушной эгоисткой, тварью, променявшей любовь на карьеру — так ему будет легче её возненавидеть. И забыть.

Она заставила себя мягко улыбнулся, хотя внутри всё умирало от ужаса. Марина подняла ладони и бережно накрыла его дрожащие щеки:

— Давай сделаем так. Я поеду первая. Устроюсь. А потом мы что-нибудь придумаем. Я в свободное время поброжу по городу, посмотрю, кем ты сможешь там работать, найду жилье побольше… Так тебя устроит?

Антон замер. Он всматривался в её пронзительно-голубые глаза, ища в них подвох, но Марина играла лучшую и самую страшную роль в своей жизни. Она смотрела на него с такой сияющей, фальшивой надеждой, что его разум признал эти новые правила и наконец сдался. Он отчаянно, по-детски хотел ей поверить.

— Да, — тихо, выдохнул он, и напряжение в его плечах впервые ослабло. — Да, так устроит.

— Ну вот и отлично, — прошептала она, целуя его в губы — медленно, солено и глубоко, прощаясь навсегда. — А теперь мне пора.

Она развернулась, подхватила сумку, ручка которой больно врезалась в пальцы, и вышла из квартиры.

Антон не пошёл провожать её. Зачем, если они скоро снова будут вместе? Если это просто короткая отсрочка перед их общим будущим? Он остался стоять у двери. В его сердце впервые за это утро поселился покой. Он верил ей.

А Марина уже бежала вниз по бетонной лестнице, перескакивая через ступеньки и путаясь в собственных ногах. Она выбежала на улицу, стараясь идти спокойно, сделала усилие над собой, повернулась и помахала рукой Антону, который стоял у окна и отправлял ей воздушные поцелуи. Она улыбнулась, поймала поцелуй и отправила обратно. Затем направилась к выходу. Она шла, ускоряя шаг. Когда дом Антона остался позади, Марина, наконец, смогла выдохнуть. Внутри случился взрыв. Где-то там билось беззащитное сердце. А её разрывало на части от невыносимой боли, от потери любимого человека. Но это был не выбор. Нет, выбирать она не могла. Это была реальность: жестокая и справедливая.

Марина наконец остановилась, прижала ладонь к губам и разрыдалась. Навзрыд. Громко, страшно, сотрясаясь всем телом. Какая же она тварь. Она не просто бросила его — она оставила его жить в этой бетонной коробке с огромной, сияющей и абсолютно мёртвой надеждой. Она заставила его ждать того, чего никогда не случится.

Из неё по каплям вытекала та живая, свободная женщина, которой она была эти полгода. Она добровольно, своими руками только что выжгла дотла свой единственный земной рай и кастрировала собственную душу ради счастливого будущего где-то там.

Снаружи уже высоко сияло ослепительное летнее солнце. Город просыпался — равнодушный, холодный, серый. Мимо проезжали машины, люди торопились на работу. Марина шла вперёд к остановке автобуса, размазывая слёзы по щекам. Внутри неё всё ещё продолжал падать тот самый парашют, с которым они когда-то прыгнули в майское небо навстречу свободе. Но теперь купол был разорван в клочья, земля приближалась слишком быстро, а за спиной оставался мужчина, который прямо сейчас мысленно учил иностранный язык и искал международные вакансии.

Дверь за её спиной захлопнулась окончательно. Сказка января завершилась в июле.

Глава 10. Марина. Возвращения.

Три года назад

Три года спустя Марина стояла возле дома Антона, судорожно сжимая связку ключей. Они сохранились до сих пор. Тогда, в спешке, она сунула их в сумку и обнаружила уже по дороге в новую жизнь. Сначала хотела выбросить. Потом решила вернуть. Потом отложила. А после перестала находить в себе смелость даже подумать о них. Просто спрятала в шкатулку, глубоко под медицинские рецепты и старые документы, куда ни у кого не было доступа. Теперь ключи лежали на её ладони, холодные и неподъёмные, словно весили целую тонну.

На улице было тепло. Июльский ветер лениво шевелил густые листья на деревьях, перебрасывая по потрескавшемуся тротуару сухие травинки, и от этого знакомый двор казался одновременно прежним и совершенно чужим. Марина мерила неровными, рваными шагами расстояния между поребриками и время от времени поднимала испуганный взгляд к окнам третьего этажа. Её сердце делало болезненный кувырок, когда она смотрела на парковку: его машина была на месте.

Антон был дома.

Эта простая мысль заставляла её сердце биться так сильно, что становилось трудно дышать. Воздух застревал в лёгких раскалённым комком.

Она понятия не имела, как ворваться в жизнь человека, которого когда-то так безжалостно, так изощрённо оставила. Как вести себя? Что сказать? С чего вообще начать разговор, если между ними лежали три года абсолютного молчания, огромного расстояния и слишком много обоюдных обид, выжженных надежд и разочарований? Она ведь уходила, пообещав, что это временно. Она уходила, оставив его на пепелище с фальшивыми планами о совместном переезде, заставив его месяцами, а может, и годами проверять международные вакансии и ждать звонка, которого так и не случилось. Каково ему было узнать, что его просто использовали и выбросили из жизни, заблокировав номер?

Но она знала, что нуждается в нём. Настолько отчаянно и слепо, что решила всё-таки приехать обратно.

Ей нужен был этот мужчина. Как глоток чистой, ледяной воды после долгой жажды в удушающее пустыне своей выстроенной жизни. Как солнце, которого ей катастрофически не хватало в однотипных, правильных буднях. Как воздух, без которого её изголодавшаяся, изнеможденная душа рассыпалась на части бессонными ночами. Часть её сознания упрямо постоянно сбегало сюда, в этот двор, к пересоленному соусу, американским горкам и мужчине, который умел делать её живой и желанной женщиной.

Марина глубоко, судорожно вдохнула, до боли сжала связку ключей в кулаке и направилась к тёмному проёму подъезда. Солнце ярко сияло. Часы показывали пол десятого. Он уже собирается на работу и скоро выйдет. Нужно успеть.

Она вспоминала его запах, тепло его кожи, голос, который становился тише, когда он говорил что-то действительно важное. Вспомнила, как носилась по магазинам в поисках именно того самого парфюма и дезодоранта. Иногда, засыпая на ходу от усталости, она проваливалась в короткий сон, где Антон подхватывал её на руки, кружил, смеялся, а потом прижимал к себе и укутывал в объятия — такие знакомые, что после пробуждения ей требовалось несколько минут, чтобы понять: рядом его нет.

Марина глубоко вдохнула и направилась к подъезду. Каждый шаг давался труднее предыдущего, ноги наливались свинцом. Она вошла внутрь, поднялась на этаж и остановилась перед знакомой дверью. Здесь когда-то она могла открыть замок, даже не включая свет, потому что знала где что стоит наизусть. Здесь её встречали его торопливые шаги, густой запах утреннего кофе и неизменное, шутливое:

— Ну наконец-то. Я уже начал думать, что ты решила сбежать со всеми моими деньгами.

Она прикрыла глаза, и к горлу подступил удушающий страх. А вдруг сейчас откроет другая? Высокая, красивая, длинноногая женщина, которая теперь знает, какую именно чашку он выбирает утром, искренне смеётся над его глупыми шутками и — главное — не исчезает из его жизни без объяснений, наобещав золотые горы. А вдруг там уже полноценная семья? Или вообще никто, и квартира пуста? Но его машина во дворе. Значит, он тоже здесь. До сих пор.

Она понятия не имела, что произошло в его жизни за эти три года. Первые месяцы после её позорного июльского отъезда они ещё переписывались. Сначала часто, потом всё реже. Антон засыпал её вопросами о том, как она устроилась, когда ему можно приехать. На все его полные надежды сообщения она отвечала уклончиво, выдумывая несуществующие проблемы с документами и обустройством.

Он присылал ей фото, даже через километры проводов умудрялся рассмешить какой-нибудь шуткой. Она скучала. Каждый день. Марина читала эти весточки по нескольку раз… А потом однажды просто не ответила. И ещё раз. И ещё. В конце концов она просто заблокировала его номер, малодушно трусливо оборвав эту нить. Вычеркнула из своей жизни. Без объяснений. Навсегда. Но… Жизнь сложная штука и никогда не знаешь, что приготовит тебе завтра. Поэтому через три года она вновь предприняла эту удушающую попытку спасти себя. Вновь войти туда, где путь тебе заказан.

Марина подняла дрожащую руку и нажала на кнопку звонка.

За дверью раздался короткий, металлический сигнал. В ту же секунду она услышала шаги. Сердце ударило в рёбра так резко и больно, что ей пришлось опереться на стену, чтобы не упасть. Шаги приближались. Медленные, тяжёлые, совершенно настоящие. Дыхание замерло.

Кто-то приблизился к двери. Посмотрел в глазок. И замер. Глубокая тугая тишина повисла на квадратном метре между прошлым и будущим.

— Ты?! — надрывный голос Антона прозвучал сквозь плотно закрытую дверь, и Марину обдало леденящим холодом. В этом голосе не было ни капли удивления, ни грамма подзабытой мальчишеской радости. Только щемящая, звенящая резкость и какое-то дикое, раненое недоверие человека, которому когда-то наотмашь выжгли душу. — Зачем ты здесь?

Марина прикрыла глаза. Она столько раз представляла эту встречу. За последние несколько месяцев в своих мыслях она произносила десятки красивых фраз, подробных объяснений, отчаянных признаний. Репетировала, как посмотрит ему в глаза и скажет, что всё это время любовь жила в её сердце. Что не смогла существовать там без него. Что вернулась не случайно.

Но сейчас за дверью стоял настоящий, живой, израненный ложью Антон, и все заготовленные слова рассыпались в пыль. Воздух застрял в горле.

— Я… — Она сглотнула раскалённый ком. — Я забыла забрать свою любимую чашку. Вот… вернулась за ней.

На несколько секунд повисла невыносимая, грозовая тишина. Тучи сгущались. Электрические разряды готовы были обрушиться на неё. Слышно было только, как медленно останавливается её сердце.

Потом Антон ответил из-за дверного полотна:

— Я её выбросил. Как ты меня из своей жизни.

Марина почувствовала, как губы сами собой дрогнули, а к глазам хлынули горячие слёзы.

— Врёшь. Я тебя не выбрасывала… — Марина начала искать подходящие слова и осеклась.

— Нет, выбросила!

И в этом коротком, хлёстком, почти сердитом ответе вдруг прозвучало что-то до безумия знакомое. Его прежняя интонация. Та самая, которой он когда-то с напускной строгостью

защищал собственную нелепую правоту, спорил с ней о музыке на набережной и делал вид, будто смертельно обижен, если она смеялась и называла его занудой.

Марина улыбнулась — едва заметно, сквозь подступившие слёзы. За этой глупой, детской ложью про чашку они оба сейчас пытались спрятать колоссальную, разрывающую грудь катастрофу.

— Прости, — прошептала она, прижимаясь лбом к прохладному косяку. — Не следовало так врываться… И так растворяться…

Она замерла, затаив дыхание. Ждала, что замок на двери наконец звякнет, и он откроет. Ждала хотя бы щелчка, хотя бы одного-единственного слова, которое позволит ей остаться, зайти, упасть в его руки. Но за дверью стояла абсолютная пустота. Не просто молчание — мёртвая душа, в которой для неё не находилось ни единой щели, ни одного шанса. Антон защищал свой выстраданный покой.

Марина медленно опустила голову. Пальцы, до судорог сжимавшие связку, окончательно разжались, и ключи с громким, звонким и каким-то окончательным стуком выпали на пол.

— Ладно, — прошептала она, хотя голос уже откровенно дрожал и срывался. — Извини. Прости…

Она развернулась и сделала первый шаг к лестнице. Ключи так и остались лежать на кафельном полу у двери.

Марина готова была рухнуть на колени перед этой закрытой дверью, навзрыд молить о прощении, исступлённо, до хрипа кричать о своей сумасшедшей, разрывающей грудь любви. О том, как сильно, до безумия он ей нужен. О том, что за эти годы в разлуки она снова сломалась, снова до самого основания потеряла себя в этой запутанной паутине долга и отчаянно, слепо хочет вернуть ту чистую, спасительную лёгкость, которую только Антон умел ей дарить.

Но она знала, что не имеет на этот крик никакого морального права. Она сама разрушила его три года назад. Сама оставила его с обесточенной надеждой.

Каждый шаг вниз по ступеням отзывался в теле физической, невыносимой тяжестью. Сначала медленно. Потом быстрее. А на втором пролёте она уже побежала, не замечая, как подошва соскользнула со ступеньки. В горле стоял ком, грудь сдавливало так, что каждый вдох причинял боль. Она вытерла щёку ладонью, но пальцы тут же стали мокрыми.

Дура.

Слово прозвучало в голове её собственным голосом.

На что ты надеялась? Что он вот так просто распахнёт дверь и впустит тебя обратно? После того, как ты исчезла? После того, как его предала и растоптала?

Она выбежала из подъезда.

Слёзы катились по щекам неудержимо, горячими дорожками, словно внутри прорвало трубу. Ей было всё равно, кто её увидит. Всё равно, как она выглядит, что подумают прохожие и почему женщина в красивом летнем платье идёт посреди тротуара и горько плачет.

Марина зажмурилась.

Хорошо. Два дня.

Она попыталась заставить себя дышать ровнее.

Два дня свободы. Привести голову в порядок. Собрать себя по частям. А потом вернуться. Сделать вид, что ничего не произошло. Признаться. Найти правильные слова. Она справится. Будет сложнее. Но ничего она найдёт выход из этой ситуации.

Быстрые шаги отдаляли её от него, от призрачного счастье, от себя.

Кто-то резко, налету схватил её сзади.

Сильные руки обхватили её, прижали к себе так внезапно и крепко, что воздух с размаху застрял в лёгких. Марина испуганно вскрикнула, но тут же — на уровне чистых, первобытных инстинктов — почувствовала знакомое до боли тепло, знакомый запах кожи и тяжёлое дыхание, обжёгшее кожу у её виска.

Она замерла. Время остановилось, рассыпавшись на миллионы неподвижных секунд.

— Ты действительно думала, — произнёс Антон прямо возле её уха, горько, панически дыша, — что я позволю тебе снова уйти вот так?

Антон сжал её ещё сильнее, так что перехватило дыхание. В этих объятиях больше не было той прежней, летучей мальчишеской лёгкости. Теперь под его пальцами пульсировало разорванное напряжение, сдерживаемая, копившаяся годами ярость и та самая выжигающая нутро боль, которую он упрямо носил в себе все эту тысячу дней.

— Антон…

Её голос сорвался, превратившись в беззащитный, сиплый шелест.

— Не надо, — жёстко, прерывисто сказал он. — Только не начинай сейчас с извинений. Молчи.

Марина судорожно сглотнула солёные горные потоки. Она молчала, чувствуя, как сильно гудит сердце в его крепкой груди. Он резко, непреклонно развернул Марину к себе в кольце собственных рук. И она увидела.

Перед ней стоял тот самый Антон — и одновременно совершенно другой мужчина. Его лицо стало заметно жёстче, острее, мальчишеская беспечность испарилась, уступив место собранности. Взгляд потемнел, стал глубже, а у внешних уголков глаз залегли тонкие линии упрямых морщин, которых она не помнила. Но это были его глаза. Его резко очерченные губы. Его широкие ладони, которые она столько раз безнадёжно звала во сне, просыпаясь в чужой постели под голубыми обоями.

Марина, повинуясь непреодолимому импульсу, медленно подняла дрожащую ладонь и коснулась его скулы.

Антон перехватил её руку у самого лица. Его пальцы крепко, до лёгкой боли сжали её прохладное запястье.

Не оттолкнул. Но и не позволил этой ласке разрушить ту каменную стену обиды, которую он так долго и мучительно выстраивал между ними.

Просто удержал, будто не позволял ни ей, ни себе сделать ещё один шаг, о котором они оба могли пожалеть.

— Зачем ты вернулась? — спросил он.

Марина смотрела на него, пытаясь найти слова, которые не прозвучали бы очередной ложью.

Но перед ним она снова стала той женщиной из кафе. Растерянной, уставшей, почти беззащитной. Только теперь в её глазах была не прежняя печаль.

Теперь там было всё, что она потеряла.

— Потому что я больше не смогла без тебя жить, — прошептала она.

Между ними повисло молчание — густое, липкое, абсолютно неподвижное, наполненное до краёв всем тем, что они так и не сказали друг другу за эти долгие три года. Антон смотрел на неё сверху вниз так, будто отчаянно пытался разглядеть в её заплаканном лице ту самую женщину, которая однажды туманным июльским утром ушла из их квартиры, оставив после себя лишь выжженное пепелище и мёртвую, фальшивую надежду. И одновременно — ту, совершенно незнакомую ему сейчас Марину, что стояла перед ним, растерянно кусая губы и не зная, имеет ли она вообще хоть какое-то моральное право просить у него хотя бы о мимолётном прощении.

Марина подняла глаза. Их взгляды наконец встретились, и ослепительная искра прошибла обоих — точно так же, как тогда, на безлюдной лестничной клетке в ночном торговом центре, когда любые слова мгновенно теряли свой смысл. Они оба в одну секунду поняли, что их неминуемо, слепо тянет и влечёт друг к другу с какой-то колоссальной, космической силой, и сопротивляться этому первобытному, голодному желанию прямо сейчас просто не имеет смысла. Это было выше их, выше времени, выше накопленных обид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.